

**АЛЕКСАНДР
КОНТОРОВИЧ**

ЧЕРНЫЕ
КУПОЛА

Черные бушлаты

Александр Конторович

Черные купола

«Автор»

2011

Конторович А. С.

Черные купола / А. С. Конторович — «Автор», 2011 — (Черные бушлаты)

Цвет войны – не защитный хаки и не кроваво-красный. Цвет войны – черный. Траурное дымное небо. Черные от въевшейся грязи, запредельной усталости и хронического фронтового недосыпа лица. Черная, как битум, запекшаяся кровь. И даже золотые церковные купола сквозь смоляной дым пожарищ кажутся черными... «Черные купола» еще одна книга Александра Конторовича, автора таких бестселлеров, как «Черные бушлаты», «Черная пехота», «Черная смерть»... Это новый, и не последний, разведрейд нашего современника в 1941 год. Против него работают лучшие асы абвера, диверсанты из батальона «Брандербург-800» и снайперская элита Вермахта. На его стороне – лишь горстка окруженцев...

© Конторович А. С., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.	41
-----------------------------------	----

Александр Конторович

Черные купола

*Начальнику 3 отдела управления В-2
полковнику тов. Гришанкову А.А.*

Направляю Вам материалы экспертного исследования по объекту № 346.
Начальник экспертного отдела управления В-2 полковник Хаустов В.Н.

*... сентября 2006 года
г. Москва*

Мною, старшим экспертом экспертного отдела управления В-2, капитаном Смоляниным Павлом Яковлевичем, было произведено экспертное исследование объекта № 346, доставленного нарочным из 3 отдела управления (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 1).

Перед проведением исследования перед экспертом были поставлены следующие вопросы.

1) Соответствует ли предоставленный на исследование объект каким-либо образцам обуви военного и гражданского назначения? Если да, то каким именно?

2) Имеются ли на предоставленном на исследование объекте какие-либо отличительные признаки, позволяющие установить его изготовителя?

3) Имеются ли на предоставленном на исследование объекте какие-либо отличия от аналогичной продукции отечественного и зарубежного производства? Если да, то в чем они заключаются и для каких целей могут быть использованы?

4) Когда выпущено представленное на исследование изделие?

Объект упакован в картонную коробку размером 400×200×200 мм, опечатан полосками бумаги с оттисками печати «№ 21» управления В-2.

При вскрытии упаковки была обнаружена пара хромовых сапог (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 2).

По своим массогабаритным характеристикам, внешнему виду и особенностям кроя исследуемые сапоги в основном соответствуют образцу № 64 из коллекции отдела – сапогам из кожи хромового дубления для военнослужащих, изготовленных по ГОСТ-447-78.

Однако в представленных на исследование сапогах имеются отличия, не позволяющие отнести их не только к вышеуказанному образцу, но и к любым другим образцам обуви отечественного и импортного производства (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 3–8).

Таковыми отличиями являются:

1) Наличие между слоем кожи и подкладкой металло-тканевого пакета из титановой сетки и синтетического волокна фирмы «DuPont» (см. приложение – заключение эксперта за № 21/68). Внешний вид пакета указан на фото № 3 фототаблицы.

2) Наличие вентиляционно-влагоотводной сетки из пористого синтетического материала, расположенной между металло-тканевым пакетом и внутренней стороной обуви (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 4).

3) Наличие в подошве стальных пластин толщиной 2,5 мм. Данные пластины уложены в виде чешуи, с взаимоперекрытием на ширину 1–1,5 мм таким образом, что защищают около 80 % площади подошвы (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 5–6). Указанные пластины изготовлены из стали согласно стандарту 01.01.03 N.I.J. (National Institute of Justice, США) и имеют стойкость по данному стандарту по группе 1 (см. приложение – заключение эксперта № 18/61). Пластины изготовлены не ранее 2003 г. (см. заключение эксперта № 11/23).

4) Подошва исследуемых сапог, в отличие от оригинала, имеет другой рисунок расположения подошвенных гвоздей (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 6–7). В ней присутствуют элементы рисунка, не свойственные фабричному образцу (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 8).

Какие-либо маркировки и клейма на исследуемой обуви отсутствуют, что не позволяет сделать вывод о производителе обуви и о стране-изготовителе.

Заключение

1) Представленный на исследование образец обуви не соответствует ни одному известному образцу обуви отечественного или импортного производства.

2) Отличительных признаков, позволяющих сделать вывод об изготовителе исследуемого образца, не имеется.

3) Выявленные в процессе исследования отличительные признаки и особенности конструкции (подробнее см. описательную часть заключения) имеют своей целью защиту ног от осколочных элементов ручных гранат и противопехотных мин. Отсутствие амортизирующего слоя не позволяет при этом обеспечить защиту от пуль ручного огнестрельного оружия, в т. ч. и короткоствольного. Ввиду отсутствия слоя неизбежны контузионные или проникающие травмы.

4) Представленные на исследование сапоги изготовлены не ранее 2003 г.

*Старший эксперт экспертного отдела
управления В-2
капитан Смолянин П. Я.*

Яковлев поднял глаза на сидевшего напротив него полковника Гришанкова.

– Интересный документ, Алексей Андреевич. Только вот пока не очень понимаю, что вызвало у вас такое повышенное внимание?

– Видите ли, Виктор Петрович, в свое время мне пришлось изучить отчет подполковника Котова о его ... «выходе». И я натолкнулся там на любопытную подробность. Он описывает почти такие же сапоги, только подобранные им там! Во всяком случае, он отметил их несоответствие обычному весу и непривычный рисунок подошвы. Сопоставив эти факты, я связался с подполковником и попросил его уточнить некоторые нюансы. Так вот, он отметил, что при близком разрыве осколок чиркнул его по голенищу сапога. В обычном случае его бы распорол. Здесь же этого не произошло. Был поврежден только верхний слой кожи, после чего осколок застрял, да так, что его пришлось выковыривать штыком. До ноги он при этом не дошел, хотя удар был достаточно сильным, Котова чуть не сбило с ног. Вы можете представить себе подобный случай?

– Сколько угодно! Осколок на излете мог попасть, рикошетом, да и в коже мог застрять очень крепко.

– Все так, товарищ генерал-лейтенант! Только Котов вспомнил, что слышал при этом скрежет, да и осколок поддался далеко не сразу. Что же может скрежетать в обычном сапоге?

– А в этом? – кивнул Яковлев на заключение эксперта.

– В этом – может! Там сетка, а она достаточно прочна и вполне способна, особенно в сочетании с кевларом, задержать осколок именно таким образом.

– Интересно... – генерал встал и принялся ходить по кабинету. – Сидите-сидите, Алексей Андреевич... надо же... так вы полагаете – «прокол»?

– Улика хоть и косвенная, но... данные сапожки производятся по заказу отдела Д-5. Каким образом они могли попасть туда?

– Совпадение?

– Стоимость такой обуви, по нашим самым приблизительным подсчетам, составляет около двадцати тысяч долларов, товарищ генерал-лейтенант! Причем немалая их часть была затрачена именно на достижение максимального внешнего сходства с существующим оригиналом. Зачем и кому это нужно в наше время? Этот ГОСТ устарел, и продукция такого образца уже не только не выпускается, но и на складах почти не попадает. Правда, полного сходства все равно достичь не удалось. У данных сапог более толстая кожа – из-за сетки и кевлара, поэтому они выглядят непривычно тяжелыми и объемными. По весу разница не так велика, но именно потому на это сразу обращаешь внимание, как только берешь их в руки.

– А кстати, почему этот ГОСТ? Почему не более ранний? Раз уж туда собирались это отправлять?

– Там есть небольшие отличия, но главное – недостаточно прочное крепление подошвы. При наличии в ней вставки в виде металлической чешуи – могла и не выдержать. Да даже и в этом случае пришлось использовать синтетические клеи – иначе этот пакет не удержался бы внутри подошвы.

– Ну, вам как специалисту виднее. Однако же сразу возникает вопрос. Как вы говорите, Котов описывает аналогичные сапоги.

– Да.

– А есть ли они в материалах осмотра тела Леонова?

– Нет, товарищ генерал-лейтенант. Описания обуви в материалах нет.

– Странно... Обычно такое не встречается... Я дам команду проверить это особенно тщательным образом. А каковы ваши выводы, Алексей Андреевич?

– «Прокол», товарищ генерал-лейтенант. Американцы как-то сумели забросить в прошлое материальный предмет. Не знаю, что при этом стало с хозяином. Уцелел он или нет? Но, если совпадение этих образцов подтверждается... работы будет много...

– Если бы они сумели хоть что-то получить... мы бы знали. Возврата человека не произошло. Как говорит наш академик, такое путешествие – это one way ticket – дорога в один конец.

– Но даже и в этом случае... можно много чего успеть натворить...

– Можно. Поэтому мы еще раз проверим всю информацию, которую нам доставили в последнее время. Если там хоть что-нибудь интересное произошло, то так или иначе это будет где-нибудь отражено. Хоть косвенно, но всплывет.

Музыка в наушниках стихла, и я открыл глаза. Снял наушники и поднялся из кресла.

– Ну, что там сегодня интересного, Валя?

Сидящая за компьютером медсестра подняла голову.

– В целом все в порядке, Александр Сергеевич. Есть небольшие отклонения в скорости реакции, но это в пределах нормы. Обработаем результаты, будет более ясная картина. На сегодня все, можете отдыхать.

Выйдя в коридор, замечаю Антона. Он, как обычно, сидит в сторонке и на виду не отвечает. Увидев меня, встает на ноги.

– Домой?

– Куда же еще? На сегодня наши эскулапы свою программу отработали. Направили меня отдыхать.

– Давно пора, – ворчит он, – месяц почти вам передыха не дают, каждый день сюда мотаемся. Уж жена ваша все жданки съела, только вечером вас и видит.

Это точно! Да и то – не всегда... После моего возвращения назад, в нашу веселую реальность, меня снова поселили в знакомом домике. Приятным сюрпризом стало присутствие в нем всех моих домашних. Оказывается, они уже два месяца тут живут. В городскую квартиру заезжают редко, благо все необходимое для нормальной жизни присутствует. По соседству, оказывается, есть школа, куда уже ходят мои сорванцы. Тут я такой не один, многие, как выяснилось, здесь вообще безвылазно живут. Так что и компания у детей подобралась достаточно быстро. Ну и славно! Одной проблемой меньше. Нинка поначалу ворчала, но понемногу привыкла. Немалую роль в этом сыграл домик, точнее, его удобство, да и новая моя зарплата несколько изменила ее взгляды на жизнь.

Первое время она доставала меня по поводу новой работы. Вернее, по поводу тех неожиданных благ, которые она предоставляет. Я долго вертелся, придумывая всяческие отговорки, пока однажды к нам в гости не приехал генерал Яковлев. Посидев некоторое время за столом, он предложил нам всем прогуляться в знакомую беседку. По пути они вместе с Нинкой отстали и долгое время бродили по лесу. Что уж ей генерал там наговорил, так и осталось для меня тайной, но жена несколько дней была необычно молчалива и задумчива. После чего, неожиданно для нас всех, устроилась работать в местную диспетчерскую. Так что теперь, поднимая трубку, частенько слышу ее голос.

Побочным результатом этой работы было то, что я теперь нередко спал в одиночестве. Вот кто оценил эти изменения в полную силу – так это мои домашние махновцы. Теперь они, придя из школы и никого дома не обнаружив, носились с визгом и воплями по лесу. Уж чего-чего, а места для этого тут хватало...

Стоило только вылезти из больничной палаты, так тут же возникло непреодолимое желание убежать туда вновь. Медики из «хитрого домика» набросились на меня, как стая пираний на корову. У каждого имелись ко мне вопросы. Причем все они всерьез полагали их единственно стоящими и ценными для науки. Прочих же сослуживцев словно и не существовало вовсе. Тем более удивительно, что по иным, не относящимся ко мне, темам они выступали дружным фронтом. Потребовалось вмешательство Травникова, который лично установил порядок моего истязания в интересах науки. Пообещав при этом собственноручно поотрывать слишком уж нетерпеливые ручонки некоторым особенно торопливым товарищам. Авторитет деда был непререкаем, и ученые смирились.

Травников, кстати говоря, был первым гостем, который посетил меня после возвращения из прошлого. Он приехал не один. С ним был высокий красивый парень, чье лицо мне показалось знакомым. Здороваясь со мной, назвал имя – Виктор. Ба, так это внук академика! Вот я где его видел-то... в палате по соседству. Правда, он тогда мало походил на себя нынешнего. Да и всех прочих ребят тогда видел недолго. Достаточно быстро я скопытился, и меня уволокли назад в палату – долеживать. Так что времени на тесное знакомство попросту не хватило. Зато теперь его было предостаточно. Вот и распили мы все вместе бутылку хорошего абхазского вина и расстались вполне довольные друг другом. Виктор обещал заезжать в гости, он вместе с дедом живет, это где-то в другом месте.

Да и сейчас Травников наложил жесткое вето на все мои перемещения за пределы городка. Правда, ненадолго. Вот еще неделька пройдет, тогда и выпустят меня на свет Божий...

Вообще говоря, мне теперь не очень понятна своя дальнейшая судьба. Ладно, мне очередной раз повезло – успели выдернуть назад. За это я готов был упоить всех «учеников» во главе с академиком до поросячьего визга. Как-то вот мне моя собственная шкура нравилась

гораздо больше, чем все прочие. Эгоизм? Ну... как сказать... Здравствуй, взвешивая свои шансы в прошлом, я прекрасно видел всю свою возможную судьбу там. Радужной она совсем не казалась. Уж кого-кого, а тамошних энкавэдэшников считать поголовными дураками не было никаких оснований. Были там, конечно, персоны... так и здесь таких деятелей хватало – только телевизор включи! Да уж, местные «товарищи» предкам могли бы сто очков форы дать! И то – обставили бы по полной...

А раскладка в прошлом виделась мне совсем... скажем так, невеселой.

Если принимать во внимание слова Травникова... А чьи, скажите на милость, слова я должен принимать на веру? Академик обещал меня выгастить – и сделал это! И не только меня, к слову сказать...

Так вот, что он там говорил про кусочек сахара? В стакане – буря, а в озере? Иными словами, получалась весьма невеселая картина.

Допустим – мой... э-э-э... «пациент» уцелел. Попал, кому надо, в руки. Даже и «наверх» его доставить смогли бы, вполне это допускаю. Но! В нашей-то истории этого не зафиксировано! Вообще! Значит, что вышло?

А выходило так, что либо ему не верили, и поэтому никто и ничего не делал, либо он просто погибал каким-то иным способом.

Как ни вертел я эту головоломку, ничего путного на ум не приходило.

Я набрался нахальства и спросил об этом самого академика. Как раз вышло так, что Виктор с Нинкой пошли на террасу стол накрывать, а мы остались в гостинной.

– Александр Яковлевич! Можно личный вопрос?

– Да ради Бога, Александр Сергеевич! Все что могу – расскажу без утайки.

– Какие у меня перспективы? В смысле, в отделе я чем теперь заниматься буду?

– Как чем? Тем же, чем и раньше занимались.

– Мерзюков ловить? Так для этого другие службы есть. Ведь у вас теперь целая бригада испытателей есть. С опытом «выхода».

– Ну, сравнили! С вами рядом я их не поставил бы!

– Но, Александр Яковлевич, у них есть другое преимущество. Они моложе меня, более развиты и лучше подготовлены. Методику вы уже отладили, надо полагать.

Травников вздохнул и налил себе минералки.

– Это так, не спорю. Но у вас такой опыт, которого нет ни у кого из них. Да и по медицинским показателям вы им уступаете весьма незначительно...

– Все же уступаю... Понимаю, моя последняя командировка была вызвана жесткой необходимостью. Ведь возврат мог и не состояться, так?

– Так.

– А сейчас чего ожидать?

– Ну... конкретных планов у меня нет.

– У вас. А у генерала?

– Насколько я знаю, у него тоже нет ничего срочного.

– Поймите, Александр Яковлевич, просиживать штаны в отделе я могу бесконечно долго. Надеюсь, что генералу это не скоро надоест. Меня-то такое положение вполне себе устраивает. А вот как долго это будет терпеть руководство?

– На его месте я бы вам зарплату платил только за сам факт существования. Вы и так сделали больше, чем это можно было бы ожидать. Поймите, вы уже сейчас – живая легенда!

– Ваши бы слова да Богу в уши! Только, насколько я знаю, в штатном расписании отдела такой должности не предусмотрено.

– А вот это – уже моя прерогатива! – Академик разошелся не на шутку. – Мое слово еще значит кое-что! В том числе – и для управления кадров! И вообще, Александр Сергеевич, у вас еще отпуск не закончен, чего вы раньше времени всполошились-то?

– Да не всполошился я... Одна мысль покоя не дает.

– Какая же? – остыв, спросил он.

– Вот «пациенты» мои... Манзырев, Леонов... Выходит так, чтобы я назад попал, они обязательно погибнуть должны?

– Не факт! В последнем случае вас «выдерживали» из вполне живого человека.

– Но ведь он погиб?

– Так бой же шел! Вы и сами лучше меня знаете, что там творилось. А если бы он себе спал мирно где-нибудь, так и уцелел бы вполне.

– Хорошо, а вот еще вопрос. Допустим, уволокли бы его с собой ушлые ребятки – предшественники ваши. И что бы он им сказал?

– Не знаю. И предполагать не берусь. Остается ли в памяти «клиента» ваша информация? Мы этого не знаем. И навряд ли узнаем когда-нибудь. Но, судя по тому, что эта информация еще нигде не всплыла, вероятность сохранения ее крайне мала.

– А если бы они меня туда притащили?

– И что вы им скажете? Чертеж АК нарисуете? Методика переноса вам неизвестна, да и толку от нее там? Наука в то время еще не умела делать подобных фокусов. Помните гипотезу о куске сахара?

– Помню.

– Я полагаю, что вот тут-то она и сработала бы...

В общем, ясности этот разговор не внес. Только еще больше запутал. Нет, в принципе, я бы не отказался некоторое время побыть живым символом успеха. Но, насколько мне известно, в этом мире ничего за просто так не дают. Вот чуток покрасуешься, щеки надуваючи, а потом как выкатят в лобешник – плати! «И будешь прыгать с тумбы на тумбу...». Не прельщает меня такая перспектива, ясности охота. А вот ее-то и нет.

Ладно, еще какое-то время у меня есть, чего ж нос-то вешать? В кои-то веки выпало отдохнуть вволю, так и будем этим пользоваться!

Начальнику Управления В-2

генерал-лейтенанту тов. Яковлеву В.П.

Направляю Вам материалы, полученные от источника «Вольт».

Начальник 6 отдела Управления «С» СВР

полковник Бирюков П.П.

Из аналитической записки на имя начальника Отдела В-2

... таким образом, анализируя заключения специалистов управления, агентурные материалы, переданные нам Службой Внешней Разведки, и выводы, сделанные информационной службой СВР, можно с уверенностью утверждать, что:

1) Специалистами управления Д-5 в течение последних полутора лет были произведены три попытки осуществления варианта «прокол».

2) Указанные попытки привели к неоднозначным результатам. И хотя в первом и во втором случаях последовала смерть испытателя, в последний раз наблюдалось исчезновение его из рабочей зоны установки переноса. Ввиду того что во всех случаях данные эксперименты являлись полуофициальными (нам неизвестно о письменных указаниях на этот счет), положение руководства отдела в настоящий момент является нестабильным.

3) Вместе с испытателем бесследно исчезла часть оборудования, вооружение и снаряжение. Оставшаяся аппаратура была частично разрушена и выведена из строя. Ее восстановление в настоящий момент ведется ускоренными темпами. Отследить местонахождение испыта-

теля и пропавшего оборудования не представилось возможным. Возникший после разрушения установки пожар сделал невозможным определение местонахождения испытателя.

4) Все попытки наладить с ним связь или найти его следы в доступных архивных материалах остались безуспешными.

5) Исходя из анализа рабочего материала эксперимента, были определены возможные точки выхода «прокола». Координаты точек прилагаются...

– Присаживайтесь, Александр Яковлевич! – генерал, привстав, указал рукою на кресло у журнального столика. – Я буквально пять минут, только справку допишу – и к вам. Там на столике чай уже приготовлен, угощайтесь.

Травников не спеша уселся в кресло и налил себе чаю. Похрустел сушками.

– Вот и все! – Генерал вытащил из принтера пару листов бумаги. – Смотрите!

Наступила тишина. Академик просматривал текст. Яковлев тоже взял со стола чашку и отхлебнул чаю.

– М-м-да... Однако! – Травников положил бумаги на столик. – Как я понимаю, все сведения, указанные в этой справке...

– ...проверены самым тщательным образом!

– Ну, в компетенции наших специалистов я не сомневаюсь.

– И каким будет ваше мнение по данному вопросу?

– Прежним. Современная наука не может в настоящий момент переправить куда бы то ни было живое существо. Организм, а главное – мозг, просто не выдержит таких нагрузок.

– А материальный объект?

– Тут спорить не стану. Просто не располагаю всей достаточной для этого информацией. Здесь необходимо подключать специалистов соответствующего профиля.

– Понимаю... Вы опять имеете в виду этого... как его, Марченкова?

– Марченко. Да, именно его. Он талантливый физик-теоретик и вполне способен дать нашим исследованиям соответствующий импульс в нужном направлении.

– Не знаю... – генерал встал из-за столика и начал прохаживаться по комнате. – Он десять лет работал за границей...

– Преподавал.

– Но при том уровне секретности, какой у нас принят... Это накладывает определенные ограничения и на его личную жизнь, да и на работу тоже. Пойдет ли он на такой шаг? Я уж молчу про наших безопасников, они-то вообще поседеют от такого «подарка»!

– Вам, Виктор Петрович, шашечки нужны, или все-таки ехать будем? Программами Марченко до сих пор пользуются в РВСН¹, а там с секретностью тоже – будь здоров! Он написал их еще пятнадцать лет назад, и, насколько мне известно, программного обеспечения такого уровня до сих пор нет ни у кого, кроме нас. Кстати, преподавать он уехал уже после этого.

– Как же его выпустили?

– В девяностом? Это вы у меня спрашиваете? Будто не помните, что тогда творилось?

– Да... это я, действительно, чего-то перегрелся...

– И неудивительно, – хмыкнул академик, кивнув на лежащие напротив него бумаги. – Да и у меня чуть крыша не поехала, когда про все это услышал. Сначала было решил – все, амбец, прорвались американцы. Потом сел, закурил и начал уже спокойнее размышлять. А после прочтения вашей справки и вовсе успокоился.

– Может быть, вы заодно и меня успокоить сможете?

– Попробую. Сколько лет американцы уже работают в этом направлении? Я имею в виду «транспортников».

---

¹ Ракетные Войска Стратегического Назначения.

- Больше двадцати.
- Отлично! Чего им удалось достичь на этом поприще?
- Вы имеете в виду конкретные достижения по проекту?
- Про них я и сам знаю. Нет там ничего. Меня интересуют, так сказать, побочные результаты.
- Дайте сообразить... Технология аккумуляторов повышенной емкости и стойкости, они как раз для этого проекта и разрабатывались... Защищенные каналы скоростной передачи данных. Сверхскоростная видеосъемка. Суперскоростной компьютер уменьшенных габаритов. Ну, из серьезного, пожалуй, что и все...
- И где еще все это может быть использовано?
- В армии, где же еще!
- А что числится в достижениях у «мозговиков»?
- Методика подготовки летного состава. Она также может быть успешно использована и при подготовке космонавтов, да везде, где требуется успешное сочетание умственной работы и выполнения физического труда повышенной сложности в неблагоприятных условиях. Да что вы меня-то об этом спрашиваете, Александр Яковлевич? Это уж вообще по вашей части, кому, как не вам, все это знать?
- Знаю. И помню. У них действительно вещи полезные были, мы и для себя там много интересного почерпнули. А вот можете ли вы мне навскидку сравнить заинтересованность сторонних организаций в продукции отдела?
- Тут и думать нечего. Самыми востребованными в США являются «транспортников». Их продукция, скажем так, более традиционна и понятна всем остальным. Да и более пригодна для армии. Удельный же вес космических программ в общей доле исследований на оборонную тематику сейчас сильно снизился.
- Вот вам и ответ. Независимо от результатов своей основной работы, «транспортников» стали нужны армии в качестве формально независимого исследовательского центра. Это их страховка, понимаете? Вот и ваши сапожки к месту пришлись... Они ведь своих испытателей снаряжают сами?
- Как и мы.
- Так что и разработку обуви, да и костюма – в рамках проекта вполне производить можно. Да и много чего еще... А то, что ими пользуются и прочие структуры – в порядке вещей. Да и у нас все точно как у них обстоит. Поэтому и «мозговики», и «транспортников» всегда готовы подставить подножку конкуренту.
- Вы что же, думаете, что и авария эта...
- Нет, конечно. Уж настолько сильно они там друг друга не ненавидят, естественно. Но вот слить информацию о чужом ляпе... это я допускаю. «Мозговики» сейчас на коне, несмотря на все очевидные выигрышные разработки конкурентов. Поэтому они вполне способны добить «транспортников» нашими руками.
- И вы думаете, что...
- Координаты точек будут верными.
- Почему же? Логичнее было бы отправить человека на подконтрольную территорию, ведь так?
- Так.
- Тогда почему же этого не произошло?
- Травников в свою очередь встал и подошел к окну. Оперся руками о подоконник.
- Вы Линевица помните?
- Михаила Валентиновича? Конечно. Он же был одним из основных научных столпов нашего дела.

– Так вот. Незадолго до своей смерти он выдвинул одну интересную гипотезу. По его расчетам выходило, что в момент сильных глобальных потрясений, сопровождающихся войнами и разрушениями, в мозгу людей, причастных к этому, снимаются какие-то барьеры. И это облегчает возможность внедрения в их сознание чужого разума.

– Интересно...

– Он не успел даже окончательно сформулировать свою идею. И никаких доводов в ее поддержку тоже не привел. У него просто не хватило времени.

– То есть прошедшая война...

– Дала нам возможность подселения в чужой разум. Как это ни цинично звучит, но именно благодаря сильным потрясениям носителей и стало возможным совмещение их разума с разумом наших испытателей. И все эти действия, во всяком случае – большинство из них, происходили у нас. Либо там, куда мы можем относительно легко попасть даже и сейчас.

– Ну... а американцы тут причем?

– А вы можете навскидку назвать мне такое место на контролируемой ими сейчас территории? Ведь это разум возвращается в тело исследователя, а куда должно возвращаться тело? Раз оно уже физически не присутствует в нашем мире? Где «якорь», способный вытянуть его назад? Куда оно вернется? Что привязывает его к нашему миру и времени? К какой-то конкретной точке? Кстати говоря, теорию «якоря» американцы даже и не рассматривали, сочли полным бредом. Нематериалистической заумной мистикой.

– Хм... – генерал покачал головой. – Все-то у вас стройно выходит...

– Да я только сейчас и осознал всю глубину прозрения Линевиича! Как последняя часть мозаики на место легла!

– То есть вы хотите сказать, что все эксперименты «мозговиков» провалились из-за того, что их испытатели попадали куда-то в незнакомое и опасное для них время?

– Скажем так – малоизученное. Да и языковой барьер, поведенческие особенности, незнание элементарных для всякого местного жителя реалий...

– Хорошо, а «транспортировщики»? С ними-то что происходило?

– Не знаю. Да и никто не знает. Пока труп американца из этого похабного отдела где-нибудь под Орлом не отыщем, так и не узнаем, что с ним произошло.

– Почему под Орлом?

– Да хоть под Фастовом! Или под Москвой. А что сороковые годы, так где ж еще такой всплеск эмоций был, как не у нас? Европа? Нечего и сравнивать, особенно на начальном периоде войны. Балканы? Теплее уже, но – мало! Африка? Даже и обсуждать не хочу. Местным на ту войну чихать было с пальмы! Белые дерутся – так и хрен с ними со всеми! Да и по количеству и качеству эмоционального выброса Отечественная война вообще вне конкуренции. Равного по силе всплеска эмоций, боли, ярости в доступном временном отрезке просто не было! А уж по количеству одновременно задействованных в этом людей... Разве что в Первую мировую или Гражданскую, так туда никто из нас дотянуться пока не может.

Академик снова сел в кресло и допил свой чай.

– Повторюсь. В настоящее время, я подчеркиваю – в настоящее! – мы не можем послать человека никуда, кроме как на территорию СССР. Ну и Европы, но только через пару-тройку лет. Про временные промежутки вы и сами знаете. Может быть, дальше мы сможем делать что-то большее. Не знаю. Молоком я уже обжегся, так что буду и на воду теперь дуть...

Похоже, что мой отдых закончился. Сегодня утром позвонил Яковлев. Поинтересовался самочувствием и пригласил к себе.

Показав фигу расстроенным «научникам», я выскочил на крыльцо. Надо полагать, Антон был уже в курсе дела, ибо весь мой кортеж уже стоял около «хитрого домика». Забрав у него кобуру с «глоком», прилаживаю ее на привычное место.

Несмотря на раннее время, на въезде в Москву уже образовалась привычная пробка. Антон недовольно поджал губы. Светить кортеж без нужды он не любил, поэтому всевозможные завывалки и крякалки обычно мирно пылились под капотами наших автомобилей. Да и сейчас особенной срочности не было, так что наши машины не выделялись в общем потоке. Понемногу разноцветная колонна автомашин вползала в город, чтобы уже здесь рассосаться по улицам. Откинувшись на подголовник, я потихоньку задремал.

– Вот же баран!

– Что там, Антон? – удивленно посмотрел я на него. Обычно он очень сдержан и невозмутим.

– Да вот, извольте посмотреть, Александр Сергеевич! – ткнул он рукою вбок.

Что там такого необычного?

Черный «шевроле-сабурбан» медленно просовывал свое тупое рыло между нашей машиной и впереди стоящим джипом охраны.

– У него все дома?

– А черт его знает! Но на аварию этот лопух сейчас точно нарвется!

– Так он не один едет, – сказал я, разглядев рядом с ним шестисотый «мерседес». – Это, скорее всего, охрана чья-то, вон, видишь «мерина» позади?

– Мне это до лампочки! Тем более если это официальное лицо! Сирена есть? Так включи. Нет – стой как все.

Наш водитель ничуть не собирался уступать дорогу нахалу. Тяжелый бампер нашей машины со скрежетом уткнулся в борт «шевроле», отодвигая его в сторону.

– Смотри-ка! Понял!

Стекло на задней левой двери нахала медленно поползло вниз. Рядом со мной защелкали затворы автоматов. Сидевший сбоку от меня охранник взялся за рукоятку открывания двери. Из открывшегося окна «сабурбана» высунулся здоровенный бугай и погрозил нам пудовым кулачищем.

– Наголо бритый, – констатировал Антон. – Это не официальные структуры, чья-то частная охрана, надо полагать. Крякни ему, – повернулся он к водителю.

Капот нашей машины чуть не подпрыгнул, так громко рывкнула сирена.

Гаишники на посту синхронно завертели головами и бросились убирать из правого ряда железные ограждения. На освободившуюся полосу тут же рванулся «мерин», а следом за ним вырулил и «шевроле». Наш водитель аж поперхнулся от подобной наглости.

Пробка быстро рассосалась, машины резвее двинулись по дороге. Перестраиваясь в средние ряды, наши машины тронулись по привычному маршруту.

Однако день сегодня явно шел наперекосяк.

Не успели мы отъехать от пикета и пары километров, как ожила рация.

– Шестьдесят второй? На связи Четырнадцатый.

– Слушаю тебя! – взял микрофон в руки Антон.

– Нас останавливают гаишники.

– Тормозите, – сказал я Антону. – ГАИ инструкцию знает и просто так тормозить машины со спецсигналами не будет. Да и раскраски на нас нет, откуда им знать, кто тут рассекает?

– Внимание всем! Готовность! Останавливаемся...

Тройка машин одновременно повернула к обочине. Передний и задний автомобили встали чуть наискось, прикрывая своими корпусами нашу машину, остановившуюся около милицейского автомобиля. Стекла в головной и замыкающей автомашинах поползли вниз, но оружия пока никто не показывал, держали на коленях.

Поползло вниз стекло и нашей машины. Колесников внимательно разглядывал подходившего к нам лейтенанта.

– Лейтенант Майский! – представился тот. – Документики ваши попрошу!

– Капитан Колесников, ФСБ, – невозмутимо ответил ему Антон. – В чем дело, товарищ лейтенант?

Тот слегка опешил. Видимо, такого развития событий он не предполагал.

– А-а-а... все же... попрошу ваши документы!

– Извольте! – в левой руке капитана появился спецталон. – Тут все ясно написано?

Документ это был серьезный. Помимо всех прочих поводов для щеконадувания, имелась там одна любопытная строка:

«Проверка пассажиров и груза автомобиля может быть произведена не иначе как в особых случаях и по письменному распоряжению начальника областного/городского УФСБ». Вот так!

Лейтенант слегка опешил.

– Вы аварию совершили... там на посту...

– Это с кем же? – холодно поинтересовался капитан.

– Во, блин, борзота! – по газону торопился давешний бугай из «шевроле». – Охреначь его, командир, он нам всю бочину разодрал!

– Это из ФСБ... – лейтенант был явно не в своей тарелке. – У них спецталон есть...

– И чо?! Хозяин жизни, в натуре?

Не похоже было, чтобы бугай прикидывался. Он совершенно очевидно не понимал происходящего.

– Ты кто такой, голуба? – поинтересовался Антон. – С какого дуба рухнул?

– Чо? Какой еще дуб? Ты хоть знаешь, чью машину помял? Да всей твоей зарплаты не хватит, чтобы ее починить!

– Лейтенант, – повернулся Колесников к гаишнику. – Вы номер спецталона записали?

– Сейчас... – тот выхватил из кармана блокнот. – Одну минуточку, вот, пожалуйста, держите ваш документ.

– Можете подать рапорт руководству. Со своей стороны я это сделаю немедленно. Еще вопросы к нам имеются?

– Нет.

– В таком случае – до свидания.

– Эй, это ты чо?! – опешил бугай. – А бабки за помятую машину?

– Иди-ка сюда, родной... – не выдержал я столь обалденной наглости. – Миша,пусти меня к окну, я ему скажу пару ласковых...

Антон кивнул головой, и охранник чуть подвинулся в сторону, не спуская внимательных глаз с наших собеседников. Помимо глаз, он еще и автоматом их отслеживал, только пока не приподнимал его над краем оконного проема. Но в случае необходимости он бы нашпиговал их свинцом быстрее, чем я успел бы пару раз моргнуть. Краем глаза я заметил, что и капитан приготовил к бою свой АПС².

– Вот что, гусь ты лапчатый...

Дальнейший мой монолог проистекал почти что в абсолютной тишине. Бугай как рот разинул, так и позабыл его закрыть. Лейтенант-гаишник и вовсе места себе не находил от удивления. Судя по всему, подобных словесных оборотов он не слыхивал в своей жизни ни разу. И уж совершенно точно не ожидал услышать такие речи от пассажира оперативной машины ФСБ!

– ...И уши свои протри мокрой тряпочкой! Чтобы сразу втюхивать, что тебе люди говорят!

Обалдевший до немоты бугай молчал. Похоже, что и в его тупой башке начали, наконец, ворочаться мысли. И были они, судя по его лицу, весьма невеселыми...

---

² Автоматический пистолет Стечкина.

– Поехали, Антон, – повернулся я к Колесникову. – У нас дела есть, нечего попусту время терять со всякой шелупонью...

Уже после того как мы отъехали от гаишника метров на пятьсот, капитан повернулся ко мне.

– Ну вы, Александр Сергеевич, и даете! Где это вы таким оборотам научились? И что же раньше-то молчали?

– Так не было ж необходимости... А научился где... Когда вокруг столько «талантов» бродит, как в моих «выходах», еще и не таким словесам обучиться можно...

Антон уважительно покивал головой.

– Впечатляюще! Этот баран чуть язык от удивления не проглотил! Будет теперь машину из своего кармана чинить.

– А ты их номера запомнил?

– И даже записал.

– Давай-ка их сюда... – пробормотал я, нашаривая телефон. – Сейчас, минуточку... Дима? Как ты там жив? Чем порадуешь?

Михайловский язвительно поинтересовался датой, когда меня вылечили от рассеянного склероза.

– Черт знает, на сколько и куда ты провалился! И вот, вернулся, месяц бока отлеживаешь, а чтобы позвонить старому товарищу – так хренушки?

– Дим, прости, но я и телефон-то свой получил только четыре дня назад.

– А других аппаратов поблизости не нашлось? Вот и пришлось мне все подробности о твоём самочувствии из Нинки клещами тащить! У нее-то небось телефон был? Не мог с ее аппарата позвонить?

– Блин... Извини лопуха, честно тебе говорю – не допер!

– Вот... А я тут сижу, понимаешь, переживаю... кота – и то вовремя не кормлю...

– Ну, с меня коньяк!

– Лучше вино. Абхазское, сам знаешь, что привезти.

– Да когда ж я теперь туда-то выберусь? Поди и не пустят больше...

– А ты и генералу вина привези.

– Да... соблазнишь его такой мелочью... тут цистерну тащить придется, вся таможня на уши встанет!

– Ладно... чего уж там... подожду до лучших времен. Чего там у тебя стряслось?

– Да так... мелочевка. Не подскажешь, вот тут у меня пара номерков есть... Что это за пацаны такие борзые под ними рассекают?

– Давай номера, – слышно было, как затрещали кнопки на клавиатуре. – Ага! Второй... Хм! «Мерин» был?

– Да. Шестисотка.

– Ну, стало быть, имел ты сомнительное удовольствие видеть господина Егидзе Ашота Генриховича. И его славную когорту бодигардов из охранного агентства «Профи-А».

– И чем же занимается сей товарищ?

– В основном – обналочкой. Для какой-то цели содержит «Профбанк». Агентство охранное тоже ему принадлежит. Товарищ наш контактирует с солнцевскими ребятками. Депутатам отдельным помогает некоторые вопросы решать... Словом, обычный расейский банкир. В меру наглый и нахрапистый. Как большинство из них – бессовестный. Скупил на корню несколько колхозов в Псковской области. Точнее, скупил их долги.

– Благотворительностью занялся? С чего бы это? Умом повредился?

– Нет, с умом там все в порядке. Просто по тем местам должна вскорости пройти новая автодорога, вот он и скупает земли, через которые ее проложат. Оттого колхозы оттуда и выживает... Чего ты-то с ним не поделил?

– Да борзый больно, чуть нам машину не помял, а когда его джип с охраной в сторону оттерли, эти бугаи начали права качать...

– И в какую больницу их уже увезли?

– Сами они уехали!

– Да? Стареешь, мужик!

– Я им тут кое-что из лексикона покойного Манзырева поведал...

– Ну, тогда им еще больше не повезло...

– ...чтобы они не слишком уж выпендривались.

– Изверг ты! Человек к тебе, можно сказать, со всей душой шел...

– Ага...

– ...Бейсбольную битку небось нес – покупкою похвастаться...

– Не, там гаишник стоял!

– Да? Ну ему-то он ее, скорее всего, не показывал. В этот раз... Удивляюсь я тебе! В твою сторону всякие сомнительные люди летят, прямо как мухи... на мед. Черт знает, сколько тебя не было! Наконец, соизволил прибыть. И вот опять – драка!

– Да не дрался я!

– Тебе язык пломбировать надо! Как спусковую скобу на пистолете. Чтобы говорил тихо и медленно. С должным уважением к собеседнику!

– Да я и так стараюсь... только что правила хорошего тона не учу.

– А не помешало бы!

Вот умеет же человек заразить своим жизнелюбием! Прямо-таки диву даюсь! И это – при его профессии! Да, мне бы так насобачиться...

Яковлев ждал меня в своем кабинете. Напротив него расположился и Травников. Глянув на полупустую вазочку с печенюшками, я прикинул, что сидят они тут уже прилично. Как бы и не с утра.

– Присаживайтесь, Александр Сергеевич! Чаю хотите?

Чаю?

Словно бы песок скрипнул под ногами, а не блестящий паркет генеральского кабинета...

Стоило мне чуток зазеваться, как солнышко снова кольнуло меня своими жаркими лучиками. Оно уже переползло вбок, и теперь натянутая над укрытием плащ-палатка уже не защищала меня от него.

Чертыхнувшись, передвигаюсь в сторону, пытаюсь хоть что-то спрятать в тень. Вот обещали же снабженцы нормальный кусок брезента! Сидишь тут целыми днями на солнце, и никакого укрытия. Одно утешает – осталось всего четыре дня. Потом уходим вниз, передышка. А пока... торчим, в этой Богом и людьми забытой дыре. И ждем. Неведомо кого. Тут проходит тропа, и теоретически по ней могут ходить «духи». Впрочем, почему – могут? Ходили они здесь. И не раз. На тропе остались их следы, пустые коробки от патронов, еще кое-какая мелочевка, ясно на это указывающая. Но вот после нашего здесь появления их как корова языком слизнула. Местное население в этих краях не бродит, кругом камень, травы для выпаса скота нет. Да и вообще тут ничего нет. Незачем переть в такую даль не менее двух суток от ближайшего поселения. Разве что лелея в душе какие-то гадские помыслы. Вот для этого нас сюда и засунули. А я думаю, чтобы глаза не мозолили. Наш командир что-то больно резво взялся совать свой нос во всякие непонятные ему дела. Таковых тут хватало. Послать его по матери было стремно – все же группа не просто так, а из Москвы. Вот тогда придумали нам важное задание и отправили в эту дыру. Просидев тут честно два срока, майор взвыл и отправился к начальству – выручать нас из этого каменного мешка. Сегодня по рации он сообщил, мол, держитесь, осталось четыре дня. Вот и держимся. Мужественно боремся с жарой и со сном. И

если жару победить пока не удалось, то вот со сном сражаемся относительно на равных. Плюнув на все условности, заминировали всю тропу «Охотой»³ и спим. Через эту жуткую штуку не то что пройти, даже и проползти проблематично. Разве что батальоном рванут...

Правда, спим все же не всей группой. Два человека постоянно на посту, смотрят по сторонам. Благо видимость тут хорошая, облаков и зеленки нет, прятаться неведомым злодеям негде.

Наклоняюсь и вытаскиваю из-под камня флягу. Она уже тоже нагрелась, вода в ней почти горячая. Но все-таки кажется, что не настолько горячая, как вода в цистерне. Ту хоть и не трогай вовсе – обожжешься!

– Витя, пить хочешь? – протягиваю флягу напарнику.

– Давай... Эх, сейчас бы лимонаду холодного! Да чтоб с пузырьками...

– Ага! И мороженого! Ты какое больше любишь?

– Пломбир. Тот, что за сорок восемь копеек. Берешь этот кирпич и ложечкой его... маленькой...

– Да... пломбир бы не помешал... и пива холодного.

– Это с мороженым-то? МИГ-21 на взлете изображать будешь?

– Ну... не сразу же... Можно и попозже пива попить.

– А-а-а... эт точно...

Беру нагревшийся бинокль и прикладываю его к глазам. От камней поднимается горячий воздух, и изображение пляшет в окулярах. Черт! Не видно ни хрена! Что там вдали? По-прежнему камни или что-то новое?

– Вить!

– А?!

– Глянь, чего там?

– Да чего там может быть? Две недели тут сидим, у меня уже на заднице мозоль образовалась, а хоть бы один человек прошел!

Я его понимаю. Над ним сразу две плащ-палатки натянуты, вот и тенек получше. Неохота из-под них прямо в пекло вылезать.

Снова смотрю в бинокль. Нет, что-то там все же есть.

– Витя! Посмотри!

Он нехотя вылезает из своего укрытия и подходит ко мне. Берет бинокль.

– Ну? И чего ты там надыбал?

– Вон, косую скалу видишь?

– Это слева-то? Вижу. И чего там?

– Три пальца правее возьми.

Виктор долго смотрит в бинокль, подкручивает окуляры и что-то шипит сквозь зубы.

– Сань! А ведь это люди идут!

– Ну, так а я про что? Давай ребят буди... – поворачиваю я в ту сторону тяжелую тушку крупнокалиберного пулемета.

До людей еще далеко, им идти до нас не менее километра. Собственно говоря, совсем вплотную им не подойти. Абсолютно независимо от их желания. На тропе стоит добрый десяток мин. Соединенные в одну умную систему, они будут срабатывать только тогда, когда около них окажется цель. Так что, пока не сработают все – тропа непроходима. Помню, когда сапер объяснял нам принцип устройства и работы этого комплекса, очень хотелось чертыхнуться. Эти мины будут ждать своей цели, пока не сядет питание. С учетом здешней жары – еще месяца три. А то и больше.

Сзади послышался шорох, это ребята занимали свои позиции.

---

³ Система управляемых минных полей.

Смотрю в бинокль. Уже можно различить, что людей немного, человек десять. Идут они медленно – несут груз? Особо не видно... Ладно, можно и обождать, тем более что не так уж и долго этого ждать. Нащупываю пульт управления «Охотой». Вот он, под правой рукой лежит...

Идут.

Медленно идут, устали?

Значит, либо идут издалека, либо вымотались. А кто тут может сильно устать? В тех краях наших гарнизонов нет. Так что если это «духи», то на хвост им никто серьезно наступить не мог. Хотя... между собой они тоже иногда режутся – будь здоров!

Еще метров сто...

Нет, это не «духи». По крайней мере, ни одной чалмы я не разглядел. Тогда кто это может быть? За все время, что мы тут сидим, в ту сторону наши не проходили, да и нас никто о возможных гостях не предупреждал.

Так, форма наша. Уже лучше. Но не расслабляемся. Смотрим. Ага, вот они чего тащат! Носилки. Двое. Раненых несут? Очень даже возможно. Оттого и идут так медленно.

– Витя!

– Чего тебе?

– Похоже, что это кто-то из наших.

– Откуда они тут взялись? Никто же вперед не уходил?

– Вот подойдет, тогда и спросим... Воды поставьте вскипятить, хоть накормим ребят чем придется.

Тем временем группа уже прошла минное поле и приблизилась к нашим позициям.

– Эгей, славяне! Откуда путь держите? – несмотря ни на что, голову я из-за камней старался не высовывать.

Они остановились.

Семь человек, да на носилках еще двое лежат. Быстро сунув их за камни, солдаты попрятались туда же. Молодцы... мало ли кто тут по-русски говорит? Бывали уже ситуации...

– Кто старший? Пароль?

Хороший вопрос. Правда, вот насчет пароля сомневаюсь... Уходили они точно не здесь, нам бы по смене передали. Так что на этот вопрос ответа ожидать не приходится.

– Я старший! Лейтенант Коренев! С кем говорю?

– Лейтенант Котов! Сюда подходи, остальные на месте!

Один из лежащих поднялся и медленно двинулся в нашу сторону. Ба, да он еле ноги передвигает! Ближе стало видно, что лицо лейтенанта заросло щетиной, видать, давно не брился.

Автомат закинута за плечо. Но на предохранитель не поставил, мне это отсюда хорошо видно. Кобура тоже расстегнута – осторожный. Уважаю...

– У вас есть связь с командованием?

– Есть. Мишка, рацию готовь! Дай Седьмого.

Коренев поставил автомат к брустверу и присел около рации. Взял протянутую ему гарнитуру.

– На связи «артист». Вышел с «серой тропы». Мне нужна связь с Вяткой.

– С Вяткой? – прохрипело в наушниках. – Добро. Ждите.

Лейтенант устало опустил руку.

– Чаю хочешь? – протянул я ему кружку, поданную мне Витькой.

– Хочу... – и он опорожнил кружку в несколько глотков.

– Еще?

– Вятка на связи! – гаркнуло в наушниках.

Коренев встрепенулся и поднял гарнитуру.

– Здесь «артист»...

– Ты где?

– Восемнадцатый блок, квадрат тридцать три-пятнадцать, – спешно подсказываю ему я. Лейтенант повторяет мои слова в микрофон.

– Все целы?

– Нет... Но задание мы выполнили!

– Так... – голос словно бы потух, – старший блока где?

– Слушаю! – забираю у Коренева гарнитуру.

– Это Дед, знаешь меня?

Полковник Ткачев, командир разведчиков. Фигура почти легендарная, он тут с самого начала сидит. Серьезный дядька и уважением пользуется немалым.

– Знаю.

– Вот что, за ребятами сейчас транспорт будет. Помоги им на месте чем можешь, ясно?

– Так точно, сделаю.

– Давай, родной, надеюсь на тебя.

Отложив в сторону гарнитуру, поворачиваюсь к лейтенанту и вижу его воспаленные глаза.

– Ты сколько не спал, лейтенант?

– Игорем меня зовут... четыре дня...

– Охреносовать! Крикни там своим, чтобы шмалять не начали, сейчас мои ребята вам пособят.

Он встает на ноги и трижды поднимает в левой руке автомат. Вижу, как на тропе встают его солдаты. Поворачиваюсь к Витьке.

– Мужики! В темпе! Сюда их всех! Напоить и накормить. Раненых перевязать.

Топот ног, ребята понеслись к тропе.

– Откель вас черти-то несут?

Игорь трет рукою обветренное лицо.

– Мы... мы засаду делали. Должен был пойти один важный хрен. Два дня ждали.

– Как я понимаю, он пришел?

– Только не один. Мы ждали человек десять, а пришло более пятидесяти.

– Фигасе! Неслабо вам подфартило!

– Да... Взять его уже не получалось, пришлось валить. И отрываться. Вот четыре дня и идем. Километров восемьдесят отмахали.

– И как?

– Плохо... Четверых потеряли, вон, видишь, еще двоих зацепило по-серьезному. Да и прочим тоже... досталось.

– А сам?

– Контузило меня, в ушах звон. Тебя как через подушку слышу. Патронов почти не осталось, у меня полмагазина, да и у ребят едва ли больше... Гранат совсем нет, последнюю вон там, – он машет рукой на тропу, – на растяжку поставили...

– Идут за вами?

– Наверное... упорные черти, да к ним еще и подкрепление подошло. Вчера еще шли.

– Много?

– С подошедшими человек шестьдесят будет.

– Обрадовал ты меня...

Через бруствер переваливаются ребята, тащат носилки. Раненых волокут в тенек, и Мишка тащит туда сумку с медикаментами. Остальные солдаты Коренева садятся под скалой, тут тоже есть подобие тени. Перед ними немедленно появляется ящик, на котором ребята ставят открытые банки с консервами, кладут хлеб и еще всякую всячину. Так, ну, тут более-менее.

Поворачиваюсь к лейтенанту и вытаскиваю из своего мешка флягу с водкой.

– Будешь?

Он кивает головой. Щедрой рукою наливаю ему полную жестяную кружку. Игорь выпивает ее одним махом, совершенно не чувствуя вкуса. По-моему, он даже не просек, что это не вода...

– Я к ребятам пойду, добро?

– Давай. Насчет всего прочего не парься, тут мы и без тебя справимся.

Когда я через пару минут оборачиваюсь в их сторону, Коренев уже спит. Впрочем, они все спят. У кого-то в руке даже ложка осталась.

Да... досталось им на орехи.

Ничего, пускай подрыхнут, это дело нужное.

– Парни, не сачкуем! Где-то там, на тропе, шесть десятков «духов» гуляют! Так что – все по местам! Глядим в оба!

И, словно подтверждая мои слова, вдали слабо бумкает.

Растяжка.

Последняя граната лейтенанта.

Ага, значит, гости все-таки пожаловали?

Бинокль прыгнул в руку, присматриваюсь. За спиной слышу движение, позвякивание железа – ребята занимают позиции. Еще в первый же день сидения тут командир гонял нас самыми извращенными вводными. То у него «духи» атаквали по тропе, то с тыла, или вообще непостижимым образом оказывались прямо среди наших окопов. Дней пять нас срывали с места в самый неподходящий момент. Помню, Мишка опрокинул мне на ноги кружку с горячим чаем, когда резко вскакивал по тревоге. И пришлось ползать по земле в мокрых штанах...

Но сейчас это не вводная – в бинокль вижу группу моджахедов. По тропе они уже не прут, идут по обочине, зорко осматривая все вокруг. На здоровье, засечь таким образом сейсмодатчики управляющего блока – штука невозможная даже теоретически.

Кстати...

Беру в руки пульт.

Кнопка «Вкл», нажать.

Пискнуло, и на пульте загорелся зеленый огонек.

Так, система готова к работе.

«Опрос датчиков».

Нажимаем и эту кнопочку.

Огонек замигал. Управляющий блок сейчас производит опрос всех сейсмодатчиков системы. Похожие на длинные гвозди, они упрятаны в землю в самых неожиданных местах. А неподалеку от них ждут своего часа мины. Пять «МОН-50» и пять «ОЗМ-72».

Снова запищало, и на пульте загорелся еще один огонек – «Цепь». Тоже зеленый, значит, все в норме.

Последняя кнопка.

«Готовность».

Нажимаю и ее.

Мигает.

Еще раз.

Писк. Долгий, секунд пять.

На пульте загорелся еще один огонек.

«Боевой режим включен».

Очередность срабатывания у мин выставлена так, что пока кто-нибудь не дойдет до первой мины, все прочие будут молчать, хоть бы там лезгинку отплясывали всей толпой. А настроены датчики именно на шаг ноги. Есть у них там несколько вариантов. На четыре ноги – на лошадей и прочих выючных животных. На колесный транспорт. Или, вот как сейчас, на пешеходов.

Все, система стоит в боевом положении, и от меня уже ничего не зависит.

Шорох.

Смотрю вбок.

Это Мишка со своей снайперкой пополз на запасную позицию. Разумно. Это он хочет замыкающих прижать. Мало ли что у них там с собой есть? А вдруг эти отчаюги миномет с собою волокут? Только такого подарка нам тут и не хватает. У передних не видно никакого тяжелого вооружения, так это мало о чем говорит, хвост колонны мы не просматриваем.

Мины расставлены вдоль тропы на дистанции метров в триста и, теоретически, способны выкосить все живое на данном отрезке. Но это в теории, а вот как на практике все пойдет? По закону подлости может уцелеть именно тот самый «дух», что волочит на горбу миномет. И будет нам всем тут весело...

Гости наши незваные тем временем выпустили вперед дозор – троих бородачей. Те оторвались от основных сил метров на двести и уже вышли из зоны поражения.

Хорошо, что я активировал систему уже после их прохода, а то грохнула бы первая мина впустую. Нет, три человека тоже кое-что, но... Лучше уж пусть основная часть «духов» под мины подойдет, это уж как-то повеселее будет. А за эту троицу я спокоен. Там Витек на тропке засел, от него-то уж точно не уйдут...

Плащ-палатки и брезент над окопами сдернуты и лежат на земле. Ничто особо не выделяет наш блок среди окружающей местности. Нет, понятное дело, что брустверы видны. Но вот признаков жизни за ними не наблюдается. Все ребята сидят на дне окопов или попрятались за камнями. То, что тут был блокпост, «духи», разумеется, знают. Но вот есть ли он здесь сейчас? Тропую этой уже давно никто не пользуется, можно сказать, почти забросили. Так что и особого смысла держать тут солдат нет. Тем более что дальше есть еще один блок. Тот уже гораздо более серьезный, даже капитальные блиндажи есть. Он прикрывает перекресток, там обычно базируется еще и броня. В обычном случае «духи» так не торопились бы, выслали бы разведку, наблюдали бы издали, да так и раскрыли бы наше присутствие здесь. Но сейчас их подстегивает время. А точнее – его нехватка. На тропе не видно преследуемых, стало быть, они ушли вперед. До большого блока тут уже не так и далеко, там их не достать. Значит, надо спешить...

Дозорные проходят мимо. Потом останавливаются, и один из них не торопясь топают в нашу сторону.

Здрасьте, приехали!

Только такого гостя нам тут и не хватает! Сейчас он поднимется на бруствер – и привет, накрылась наша засада. «Духи» развернутся вне зоны действия мин и полезут окольными путями. Тропа простреливается, и желающих по ней топтать точно не станет.

Тем временем оставшаяся парочка неторопливо двинулась дальше. Периодически они посматривают на своего товарища, а тот уже метрах в пятидесяти от наших позиций.

Машу рукой, и ребята оттягиваются назад. Только крупнокалиберный пулемет остается стоять на своем месте. Нахожу взглядом Андрея.

– ПБС!⁴

Он кивает головой и в темпе прикручивает этот прибамбас на ствол автомата. Меняет в нем магазин, теперь автомат заряжен дозвуковыми патронами. Шаг вбок, и он скрывается в подбрустверной нише.

Откладываю в сторону автомат и ташу из кобуры 6П9. Вот и пригодился...

Ныкаюсь и слушаю.

Вот заскрипел песок под шагами «гостя». Где он? Обходит окоп справа, между мною и прочими «духами». А где его товарищи сейчас? Если они топают прежним темпом, то до них должно быть около двухсот метров. Сойдет...

---

⁴ Если точнее – ПББС – прибор бесшумной и беспламенной стрельбы.

На песок рядом со мной падает камешек. Это еще что? Афганец окопы проверяет? Гранату кидать жаба душит, вот и пробует, что называется, на испуг? Вполне вероятно...

Шаги.

Дальше пошел, окоп обогнул. Еще метров пять, и он пулемет заметит, его ствол с этой позиции будет виден хорошо. Что потом? Побежит с воплями назад? Или все-таки жадность верх возьмет и захочет он такой трофеей оприходовать? Денег такая штука стоит немалых.

Шаг, еще один, еще...

Остановился!

Когда он сюда шел, то автомат за спиной висел. Я еще удивился, ведь бой может вспыхнуть мгновенно, а у него руки пустые. Молодой еще? Глупый или самоуверенный?

Щелчок. Предохранитель сбросил?

Похоже...

Не слышал, чтобы он оружие снимал, значит, сделал басмач это еще раньше.

Стало быть, пулемет он засек.

Еще шаг...

Теперь он видит, что рядом с ним никого нет.

Что теперь?

Стоит.

А товарищи его продолжают идти, и основная группа «духов» топает по тропе. Как далеко им до первой мины?

Заскрипел песок, «гость» двинулся дальше.

Один-ноль в пользу жабы.

Пух! Пух!

Выворачиваюсь из-за угла.

«Дух» стоит прямо рядом со мной. Автомат он выронил и обеими руками держится за грудь.

Добавляю ему из пистолета.

Все, готов.

Сую пистолет в кобуру и ловлю на руки тело.

Совсем молодой парень, лет девятнадцать-двадцать. Бородка жиденькая, не успел еще отрастить. Теперь уже и не отрастит....

Так, чалму на голову. Халат... черт, запутался в чем-то. Ага, есть. Штаны, поверх своих, быстрее.

Андрюха рядом помогает мне, осматривает и кивает головой.

– Порядок! Издали не рассмотрят.

– Если только не в бинокль...

– Ботинкиними!

– Блин! Я-то тоже хорош...

Напяливаю обувь убитого, маловата будет! Но ничего, мне в ней далеко не идти.

Поднимаю свой автомат и топая назад. Голову вниз, будто под ноги смотрю. Нет, не так. Вытаскиваю из-под халата пистолет и верчу его в руках.

Вот это больше похоже на правду. Нашел интересную штуку и теперь изучаю. Похоже? Вполне.

А главное, моего лица теперь не видно в бинокль.

Халат, штаны, чалма, обросшая загорелая морда – чем не «дух»?

Спрашивается, какого рожна я в такие прятки играю?

Ведь можно было бы просто стегануть по ним из крупняка, всех не положим, но десяток точно уконтрапуим. Всё так. Но остальные могут и не отступить. И черт его знает, как оно там все обернется... Судя по тому, что идут они за ребятами уже не первый день, напакостили

парни «духам» серьезно. Значит, и в погоню пошли не совсем зеленые да необученные. Нельзя их отпускать. Отсюда уйдут, а куда придут? Да и поквитаться за убитых парней надо.

Вот и брустверы позади. Быстрый взгляд на тропу. Дозор уже метрах в трехстах, смотрят в мою сторону. Чуть рукой им не помахал, вовремя сообразил, что у афганцев это вроде бы не принято. Во всяком случае, я этого не видел.

А что основная группа?

Ого!

Они уже около первой мины!

Ну что же, идем дальше. Как рванет, тут мне и ноги делать.

Хренак!

На тропе ухнуло! Да не единожды!

Поднимаю голову и вижу, как сбитыми кеглями валяются дозорные – Витек сработал!

Взгляд на тропу – и там дым коромыслом.

К черту маскировку!

Длинными прыжками несусь назад.

Вот и окоп.

Сваливаюсь в него и скидываю чалму. Халат – туда же. Штаны снимать некогда, распарываю их ножом.

Втискиваю ноги в ботинки и перескакиваю к пулемету.

Там уже примостился Андрей, деловито смотрит поверх ствола на клубы пыли над тропой.

– Ну как там?

– Красота! Всегда бы на такой фейерверк глядел.

В пыли снова грохает взрыв, значит, есть еще кто-то живой.

– Парни, посмотрим! Не всех еще покосило!

Бух!

Снайперка.

Мишка кого-то засек.

Бух! Бух!

Бегу к нему, прячась за бугорками и каменюками.

Он лежит, прижав к плечу винтовку, и наблюдает за тропой.

– Чего там?

– Да так... пытался тут один резвый ноги сделать.

– И...

– Вон он лежит...

– А еще кто есть?

– Мне не видно. Пыль...

– Пулемет тебе сюда подтянуть?

– Ну... в принципе – не помешает.

– Добро!

Спешу назад и на позициях натываюсь на Коренева. Он уже на ногах, и вместе с ним его ребята.

– Чего вскочил, лейтенант?

– Стреляли...

Ну, прям тебе «Белое солнце пустыни»!

– Будь спок, лейтенант, мы тут справимся. Отдыхай пока.

– Нет, – мотает он головой. – Это за нами идут, их там дофига должно быть...

– Да, харь шестьдесят было.

– Было?

– Там, – машу я рукой, – на тропе, десяток мин стоит. Стояло. МОНки и ОЗМ-72. Сам по ней ты шел, так что рельеф местности представляешь. Еще вопросы есть?

– Мы что же – по минам шли?

– По воздуху! Отключили мы минное поле, как вас увидели. Так что – не парься.

– Патронов дай.

– Да вон, в окопе ящик лежит, бери сколько нужно.

Бабах!

Снова на тропе.

Взрыкивает крупнокалиберный. Ого! Даже так?

Бегу к пулемету.

По пути отправляю к Мишке пулеметный расчет.

Вот и окоп.

Андрей у пулемета, невозмутимо ворочает стволом, выцеливая кого-то на тропе.

– Что там у тебя?

– «Духи». Пытались рвануть в нашу сторону. Я троих снес, остальные попрятались.

Да, действительно, прямо у выхода с тропы лежат трое басмачей. У одного в руках РПГ-7.

– Сколько их там может быть?

– Я видел с десяток.

– Ждем... скоро уже пыль осядет.

Бабах!

Собственно говоря, на этом бой и окончился. Через час к нам подошла броня и с ней пара «шишиг». Забрали Коренева и его бойцов, погрузили раненых.

Отключив минное поле, мы все пробежались к тропе.

Зрелище там было... я вас умоляю! Жуткое...

Несработавшей осталась только одна МОНка.

Прибывший с колонной комбат только крикнул, рассматривая тропу. И тут же начал доставать саперов, требуя от них восстановить минное поле.

Прошел день, и нас всех сменили. На блок заступили ребята комбата, то-то он так старался! А нас отвели сначала в тыл, а потом и вовсе перебросили в другое место. Так я и не узнал ничего о дальнейшей судьбе лейтенанта и о том, за кем же они там охотились.

Прошло несколько лет, я уже давно подзабыл об этом случае. Волею судьбы пришлось мне некоторое время посидеть в кабинете. Наше начальство заказало ученым умникам некоторые специфические прибабасы, вот меня и отправили к ним в качестве главного критика и, отчасти, эксперта.

Так что сидел я в кабинете военпреда на их хитромудром «ящике» и откровенно маялся дурью. Только изредка меня вызывали в цех или в лабораторию, где я до хрипоты спорил с разработчиками, отстаивая свою правоту. Дело это шло туго, мой отъезд постоянно откладывался. Вот и сидел я в просторном кабинете, составляя всевозможные сочетания из различных чаев. Так сказать – оригинальный букет изобретал.

В один прекрасный момент в дверь стукнули.

Поскольку хозяин кабинета отсутствовал на своем месте почти постоянно, занимаясь какими-то неведомыми мне вопросами, я распорядился здесь почти единолично. Разве что секретную почту не принимал. А вот в некоторых текущих вопросах разбирался уже вполне отчетливо.

– Входите! – крикнул я. – Не заперто чай!

На пороге нарисовался крепкий мужик. Кого-то он мне напоминал...

– Мне Филатова нужно.

– Увы, – развел я руками. – Ничем помочь не могу. Нету его, в цех ушел.

– А будет когда?

– Да кто ж его знает? Надо полагать, будет когда-нибудь...

– М-м-да... Что же мне делать?

– Подождите тут, коли не спешите. Из меня провожатый плохой, я и сам здесь временно...

Мужик наклонился и поставил на пол свой портфель. На секунду он повернулся ко мне в профиль.

Точно – знакомая морда! Где ж я его видел-то? Спросить?

Да неудобно как-то... вон и он на меня смотрит с интересом.

На тумбочке зафырчал чайник.

– Чаю хотите? – спрашиваю его, поднимаясь из-за стола.

– Хочу... Лейтенант?

– Капитан, вообще-то. Э-э-э... Афган?

– Ну да! Квадрат тридцать три-пятнадцать, не забыл?

– Коренев?!

В общем, хозяина кабинета мы ждать не стали...

До утра просидели мы с бывшим лейтенантом в гостинице, где мне удачно отвалился неплохой номер. Коньяк у меня был, да и он приволок кое-чего с собой.

– А я ведь тогда долго вас разыскать пытался! – наливая очередную рюмку, сокрушался он. – Да только сказали мне, что никаких таких спецов на этом блокпосту отродясь и не бывало. Всю дорогу там обычная пехота стояла. А я даже фамилии твоей не запомнил...

– Да нас там всюю секретили! Знать бы – от кого? Ты-то сам как на нас вылез тогда? По этой тропе никто уж и не ходил, далеко, да и неудобно.

– А-а-а... – махнул рукой Коренев. – Дело прошлое, слушай. Про «серую тропу» знаешь?

– Нет. Слышал какие-то обмолвки, но ничего конкретного...

– По этой дорожке возили в основном наркоту. Или проводили в Афган и обратно заморских советников. Инструкторов к «духам», всякого рода проверяющих. Словом – генералитет!

– Не слабо!

– А то ж! Сколько раз ни пытались накрыть там кого-нибудь авиацией, хренушки! Успевали они занюхаться под землей – там пещер до хрена. Вот Ткачев и придумал хитрый план. Откуда он узнал – бог весть, но задание выдал нам конкретное и очень детально обстановку описал. Надо было завалить одного проверяющего. Причем – именно его и именно в этом месте. Ни раньше ни позже.

– Зачем так сложно?

– Мы тоже удивились сначала, там, в принципе, и другие места были, поудобнее. Но Ткачев сказал – только тут! Мы и пошли. Дальше ты и сам все видел.

– Странно...

– Вот и я так думал! А через пару месяцев он мне разведсводку показал. Тот командир, на чьем участке ответственности мы завалили данную персону, попал под подозрение. Как я понимаю теперь, Ткачев и еще кое-что сделал, чтобы эти подозрения усилить. Да и накопал проверяющий всякой гадости именно в отряде этого командира.

– Чужими руками «духов» столкнул? Мастер!

– Вот то-то! Между ними аж до стрельбы дошло, командира того самого в итоге грохнули. Драка там нешуточная завязалась! Отряд его частично разбежался, частично полег. А некоторые так и вовсе – в царандой ушли, типа осознали и раскаялись.

– И большой у него отряд был?

– Да как бы не в полтыщи рыл...

– Нехило...

– Вот так мастера-то и воюют! Сколько мы обычным путем этих «духов» бы колошматили? И какой ценой?

– Да... серьезный был дядька!

– Мне тогда «Знамя» за этот выход дали, ребятам по «Звезде». А вам?

– А что – нам? Обычная работа, только и делов... Еще побегали там пару месяцев – да и назад. Никаких наград нам за это не полагалось.

– Да... бывает... А вот твой вопрос относительно чая я на всю жизнь запомнил! Для меня тогда это как рубеж какой-то был. Словно вот там – война, а вот тут – уже мир... Я на нервах был, аж колотило всего. И пить охота и спать – и все сразу! А ты сидишь себе, спокойный такой и спрашиваешь: «Чаю хочешь?»

– Да ты тогда кружку водки высосал – и ни в одном глазу!

– Врешь?

– Как Бог свят!

– Охренеть...

Вот этот момент своей жизни я и вспомнил, услышав обращенные ко мне слова генерала...

– Присаживайтесь, Александр Сергеевич! Как самочувствие?

– Вашими молитвами да трудами медиков – пока в норме все.

– Почему пока?

– Так вы вспомните Мюллера, ну, того, из фильма про Штирлица. Он вообще сказал: «Хорошо еще, что вообще живу...».

Травников фыркнул.

– Ну и юмор у вас, уважаемый!

– С кем поведешься... Вы тоже – тот еще оптимист!

– Ну вы и спелись... – покачал головою генерал. – Со стороны глянешь, всё, сливай воду, свет туши! Откуда такие настроения? Можно подумать, что эксперимент не удался! Не так уж у нас все и плохо.

– Вы, товарищ генерал-лейтенант, – сказал я, усаживаясь в предложенное кресло и беря в руки чашку с чаем, – когда вот так, издалека, разговор заводите, всегда какая-нибудь задачка вылезает...

– С чего бы это вдруг? Вроде бы у нас с вами таких предпосылок не было еще?

– Народ говорит...

– Уж я некоторым, особо языкастым-то, их языки длинные прищемлю! – постучал Яковлев пальцем по столу. – Ладно... давайте-ка к делу.

Академик поерзал, поудобнее устраиваясь в кресле.

– Прошу! – произнес генерал, ставя передо мною пару сапог. – Ничего знакомого не наблюдаете, Александр Сергеевич?

Так... Сапоги. Совершенно обычные, на первый взгляд. Достаточно новые, хотя и выглядят как-то... старомодно, вот! Наклоняюсь вперед и беру один из них в руки. Хм! Какой-то он... Ага!

– Да, товарищ генерал-лейтенант, знакомая штучка! Только у моего сапога голенище распорото было. Вот тут. А этот целый! Так что – не мой это лапоть, хотя и похож.

– Что, так здорово похож?

– Ну... – переворачиваю сапоги и смотрю на подошву. – Эти вообще новые, даже и не ношенные. Не мои, это совершенно точно! А так – как один мастер делал. Здесь, видите? Петельки сбоку вшиты, чтобы сапог натягивать. Вот эти.

– Вижу. И что в них особенного?

– Пальцы в них просуньте.

Яковлев взял сапог и просунул в петельку палец.

– Вот так?

– Да. А еще один?

– Да запросто!

– Не тесно?

– Нет. Даже и третий можно постараться пропихнуть. А что здесь такого?

– Вы, Виктор Петрович, давно сапоги наши в последний раз надевали?

– Ну... лет десять... может, и больше уже...

– В петли наших сапог три пальца пропихнуть нереально. И два-то не у всякого влезут.

А у вас пальцы явно не как у пианиста, так что и подавно.

– Вот как? – генерал и академик обменялись взглядами.

Травников взял сапог и постарался продеть в петлю три пальца. Это вышло у него вообще без проблем.

– Что-то я мысль не улавливаю, Александр Сергеевич... – пожал он плечами. – Ну, влезли мои три пальца в петельку. Так и четвертый можно туда пристроить... может быть... И что с того?

– Не наш мастер эти сапоги шил. Уж во всяком случае – он их никогда ранее нешивал. И про эту деталь не знал. Просто рассуждал. Петли есть? Есть. Зачем они нужны? Чтобы сапог быстрее надевать. Значит, надо их пошире сделать, да поглубже, чтобы носящему удобнее было бы их удерживать. Я, когда впервые такие сапожки надел, тоже не сразу это понял. В голове вертелось чего-то, да вот окончательно только сейчас и сложилось...

– А на это вы что скажете? – протянул мне Яковлев тонкую папку. – Почитайте, тут немного...

Так кто это тут расстарался?

Хаустов? А, так это местный главный эксперт! Основательный дядька и серьезный, этот порожняк гнать не будет.

Ну, посмотрим, чего он тут накопал...

Через двадцать минут я положил папку на стол. Ничего себе...

– Как я понимаю, товарищ генерал-лейтенант, это нам привет от заклятых «друзей»? Похоже, что их труды оказались не напрасными?

– Я бы не был столь категоричен, – академик поставил на стол пустую чашку. – Американцы добились пока только исчезновения испытателя. Это еще ни о чем не говорит. При той мощности подводимой энергии, которую применяют для питания своей аппаратуры «транспортировщики», рельс испарить можно, не только человеческое тело.

– Тем не менее, он уцелел, – кивнул я на стоящий передо мной сапог. – И никуда не испарился.

Академик поднялся из кресла и подошел ко мне.

– Взвесьте все еще раз, Александр Сергеевич. В данный момент вы самый главный эксперт по этому вопросу. У вас точно были именно такие сапоги?

– Да, Александр Яковлевич. Они из одной серии, их шил один и тот же мастер.

– Значит, – обернулся академик к генералу, – перенос материальных объектов возможен...

– То есть вы хотите сказать, Александр Яковлевич, – приподнялся я из кресла, – что в прошлое можно отправить, скажем, ядерный заряд, дабы он рванул где-нибудь в нужное время?

– Нет. Исходя из полученных нами данных, а также опираясь на наши выкладки, можно с уверенностью утверждать, что прицельное перемещение объекта с массой более двух-трех килограммов невозможно. Во всяком случае, сейчас. Насколько мы знаем, целью американцев вообще являлся сорок пятый год. Заброска должна была произойти в район Потсдама. В зону, контролируемую в то время частями союзников.

– В советских сапогах?

– И в советской военной форме. Во всяком случае, человек в нашей форме быстрее бы нашел общий язык с союзниками, чем американский или английский офицер с нашими солдатами.

– То есть они промазали аж на три года?

– Почти. Я думаю, что при увеличении массы перемещаемого груза разброс будет еще более значимым. Как по месту, так и по времени. Не говоря уже о том, что вернуть его назад... – он саркастически хмыкнул, – задача неразрешимая даже в принципе. В то время просто физически не существовало возможности сборки подобной аппаратуры. Повторюсь – это билет в один конец.

– А если вернуть не самого человека? А как у нас – перенести сознание?

– В кого, позвольте вас спросить? И каким образом? Как извлечь сознание из мозга человека там и в кого его перенести уже в наше время?

– Ну... если у них есть «якорь»...

– Bravo! – Травников хлопнул в ладоши. – Вам бы наукой заняться, Александр Сергеевич, цены б не было! Это я как ученый говорю! Так вот! Что является «якорем» в нашем случае?

– Я сам и являюсь...

– Точнее – ваше тело! А теперь представьте себе, что оно находится где-то в сорок втором или где-то рядом. Представили? И куда будет возвращаться отторгнутое у вас сознание?

– В сорок второй год и вернется.

– То-то! Так вот – найдете мне «якорь» сопоставимой мощности? Который сможет хотя бы уравновесить этот. Уж и не говорю – превзойти! А?

Действительно, что может перевесить по своей значимости и притяжению себя самого? Что-то и в голову ничего подобного не приходит.

– Не знаю такого, Александр Яковлевич.

– Не терзайтесь понапрасну! Я тоже.

– А если все же допустить возможность того, что человек выжил? Что тогда?

Оба моих собеседника переглянулись.

Генерал встал из-за столика и взял с рабочего стола тонкую папку.

– Мы думали и об этом. Эффект «куска сахара», в случае невозвращения человека и его длительного воздействия на окружающих людей, может быть в таком варианте сильно ослаблен.

– То есть мы бы уже почувствовали это на своей шкуре?

– Одного человека? Ну... не факт! А вот если этим путем пойдут еще и другие... тогда будет хуже.

– Насколько?

– Мы не знаем. И пока не можем даже предположить. У нас просто нет данных для каких-либо выводов.

– Весело... А я тут причем?

– По нашим расчетам, – подал голос Травников, – район переноса находится где-то в окрестностях Новгорода.

– Новгорода? А как же... – кивнул я на сапоги. – Уж их-то я точно не там видел.

– Судя по описанию эксперимента, – присел напротив меня генерал, – перенос человека произошел в первую очередь. Установка еще работала в штатном режиме. А вот это, – его рука указала на сапоги, – следствие второго импульса, вызванного уже нештатной работой комплекса. Оттого и разброс такой вышел. И по дальности, и по времени. Вот и попали похожие сапожки под Харьков, а там уже и вам встретились.

– Хм... вполне может быть... я уж тут от товарища академика чего только ни наслушался. Уже ничему не удивляюсь. И что теперь?

– Надо постараться найти следы этого «гостя».

– Спустия столько лет?

– Для начала хотя бы и так...

– Почему я? Ведь в отделе же есть немало более молодых и глазастых оперов? Они здесь сработают более эффективно, нежели я.

Травников кашлянул.

– Видите ли, Александр Сергеевич... тут есть одна любопытная гипотеза... – он поднял свою чашку и отпил уже остывший чай. – Вы уже дважды были там... И теперь просто сами по себе являетесь своего рода «якорем». Даже – «маяком»! Я бы сказал больше: вероятность того, что попавший после вас в прошлое человек окажется поблизости от вашего местонахождения, на мой взгляд – чрезвычайно высока. Точно так же – и в обратном случае. То есть, если кто-то из американцев попал туда...

– То и я вынырну где-то рядышком...

– Ну... приблизительно так... Причем независимо от наших усилий. Полагаю, что вы сумеете почувствовать след такого попадания даже и в наше время.

– Поэтому, – взял слово генерал, – мы и формируем группу специалистов, которые будут обследовать предполагаемое место заброски американского исследователя. Вот тут, в папке, все доступные нам на сегодняшний день материалы. Изучите это, подумайте. Двух дней будет достаточно?

– Думаю, что вполне.

– Имейте в виду, не стесняйтесь озвучивать любые, даже самые мимолетные, догадки или мысли. После всего, что уже произошло, я склонен всецело доверять вашей интуиции.

– Хорошо, товарищ генерал-лейтенант, сделаю.

– Научно-техническая часть этого задания лежит на нашем уважаемом академике, – Травников кивнул головой, – так что любое потребное вам или ему оборудование будет доставлено в кратчайшие сроки. Вопрос слишком серьезен, чтобы мы могли стесняться себя в средствах и методах.

– А если я попрошу вскопать пару гектаров леса на метр в глубину?

– Вскопаем.

– И устроить там озеро?

– Нальем!

Вот тут я впервые ощутил всю мощь аппарата, которым руководил Яковлев... Каковы же реальные достижения этой конторы? И как далеко простираются ее возможности?

Здесьняя дорога здорово напоминала мне ту самую, по которой я выбирался к фронту тогда, в сорок втором. Во всяком случае, от танка я бы сейчас не отказался. Наш «уазик», натужно ревя мотором, как раз преодолевал очередную колдобину, и я вспомнил свою поездку на трофейном танке. Впрочем, вполне возможно, что и местное население придерживалось аналогичных взглядов. Следы гусениц здесь присутствовали. Надо полагать, что именно этот транспорт и являлся для них основным. Глядя на дорогу, я и представить себе не мог на ней не то что «жигуленка», но даже и что-либо более основательное. «Лэндкрузер» наш тут бы точно утонул. Да еще и бронированный. А вот отечественная техника пока справлялась.

– .....! – сочно высказался Антон, в очередной раз долбанувшись головой об стойку. – Коля! Не дрова везешь!

– А что я могу? – возразил тот, выкручивая баранку. – Тут на танке ехать надобно! На «бэтере» на крайняк!

Гляди-ка, и у него похожие мысли!

– Антон, а может, лучше по лесу пешком пройдем? – спросил я. – Наверняка быстрее будет!

– Да давайте уж подождем, Александр Сергеевич! – видать, ему очень не хотелось прыгать через грязюку к опушке. – Судя по карте, уже поселок скоро.

– Знаю я эти карты! Не раз тут хаживал. По карте деревня есть, а на деле ее и след простыл. Выселили еще десять лет назад.

– Ну куда-то эта дорога ведет?

– В никуда. Это у нас запросто. Вот проедем по ней еще десяток верст, она и закончится где-нибудь на выработках...

Однако же накаркать мне в этот раз не удалось.

Буквально через пару километров дорога пошла вверх, стало суше, и вскоре наши машины выбрались из непролазной грязи. Еще через километр показались первые дома.

По легенде мы изображали геофизиков. Даже аппаратура имелась соответствующая. Во всяком случае – очень похожая на настоящую. Что уж там она на самом деле измеряла – бог весть. Никто из нас об этом даже и не догадывался. А наши мальчишки из «хитрого домика» всякий раз заводили такие подробные объяснения, что аж зубы начинали ныть. Махнув на это рукой, мы попросту следовали их указаниям, добросовестно гуляя по квадратам леса, которые они нам указывали. Помимо меня и Антона, в этой прогулке принимали участие еще трое моих охранников.

Кто скажет вам, что прогулка по осеннему лесу доставляет удовольствие – не верьте! Нет, по подмосковному – очень даже может быть. Но вот гулять по заболоченным новгородским лесам, да еще и под дождем – удовольствие сомнительное. Особенно если учесть, что болота тут почти повсюду. Или это наши умники специально для нас такие места выбирают? Так сказать, в целях улучшения навыков и для тренировки? А что, с них станется...

Из соображений маскировки мы оставили в Новгороде не только свои автомашины, но и более-менее непривычное для данных мест снаряжение. Во всяком случае, об отсутствии «гортекса» я сокрушался не единожды. Наши штормовки на третий день прогулок уже начали промокать.

Не спорю, секретность вещь, конечно, нужная. Но не до такой же степени! Того и гляди, главное действующее лицо схлопочет тут элементарное воспаление легких, и тогда всем поискам придет конец! Уж что-что, а наличие импортных курток у геофизиков всегда объяснить можно. Вот вернусь в Москву, выскажу генералу свое «фэ»! И ведь наверняка окажется, что это кто-то из нижесидящих начальников перебдеть решил!

Скрипнув тормозами, «уазик» остановился у одного из домов. Судя по его виду, это было правление колхоза или что-то аналогичное. Ну да, колхозов-то теперь нету, а как ныне называются эти новообразования, я так и не запомнил.

На выцветшей стене висела какая-то вывеска, но с моего места ее прочитать было невозможно.

Щелкнул замок, и мы дружно высыпали на улицу. Тут хотя бы было сухо, можно не опасаться утонуть сразу по колено. Изображавший старшего Антон направился к двери.

Но стоило ему подойти ближе, как она распахнулась, и перед нами предстал пожилой, но еще крепкий дядька. Одет он был вполне по погоде, в штормовку и камуфляжные брюки, заправленные в резиновые сапоги. И хотя в настоящий момент на небе туч не ожидалось, никто из нас особо не обольщался – дождь мог хлынуть в любой момент. Уж такая тут была аномальная зона...

– Здравствуйте! – вежливо поздоровался Антон. Мы все дружно закивали, выражая свою солидарность с его высказыванием.

– И вам не хворать! – отозвался дядька. – Откуда вас, таких разукрашенных, к нам принесло?

Разукрашенных?

А, так это он машину нашу имеет в виду!

Видок у нее действительно... был еще тот. Только на лобовом стекле еще имелись свободные от потеков грязи участки.

– Дак геофизики мы! – обрадованно проговорил Антон. – У нас тут съёмка, вот и заехали к вам.

– И чем я вам помочь могу? У нас тут чай не город, разносолов нет, да и кафе, что было раньше, уж три года как на замке.

– Нам бы крышу над головой...

– На пятерых-то?

– Нет, нас больше. Позади по дороге две наши машины идут, еще один такой же, – кивнул Антон на нашу машину, – да «буханка» с оборудованием. Семь человек.

– Итого – дюжина! – подытожил дядька. – Ну... дома у нас тут такого ни у кого нет, чтоб сразу дюжину-то разместить...

– Нам бы, все-таки, вместе... Собраться где-то надо, поговорить, прикинуть, как работать будем... Да и результаты подводить надо. Тоже уж лучше под крышей-то.

Дядька задумчиво почесал затылок.

– Мы в долгу не останемся... – вкрадчиво произнес Антон.

– А! – махнул рукой его собеседник. – Не в этом дело! У нас тут на всю деревню два десятка домов жилых осталось, да и там больше старики. Домишки у них маленькие, не влезет орава-то такая. А остальные все разъехались... кто куда. Одно и название только осталось что деревня... Неперспективные мы, вишь...

– Так... нам сказали, что у вас тут хозяйство... коровы там всякие...

– Были! – огорченно вздохнул дядька. – Тогда и народ тут был. Только вот откуда ни возьмись повылазили долги, свет нам обрубил, мол, тоже за долги. Председатель наш бывший, Громанчук, будь он неладен, в какую-то авантюру влез, вот и... Сам-то он нынче съехал отсюда, говорят, в Неболчах дом купил новый, у него-то с деньгами все в порядке! А мы – вот, колупаемся тут. Да и молоко вывозить как-то надо ведь? Ты ж дорогу нашу видел? На бумаге-то ее каждый год чинят, да толку с этого? По бумаге же не поедешь? Вот и продали нашу животину... а за нею и народ потянулся... А-а-а! Что тут теперь? Ладно! Дам вам ключи, вон ту половину правления занимайте. Народу там нету, некому работать уже. А так – в порядке все, чисто. Даже мебель есть какая-никакая. Столы там, стулья. Кроватей вот только нет, тут уж не обессудьте.

– У нас спальники есть, на полу ляжем. Чай не привыкать, не первый год в поле-то! Да и вы к нам заходите... на чаек.

– Спасибо! Может, и загляну. Вы уж там поаккуратнее, ладно?

– О чем вопрос. Извините, а звать-величать вас как?

– Федор Николаевич я. Малышкин. Раньше бригадиром тут был. Теперь вроде как директор общества с неограниченной ответственностью!

– Так нет же таких вроде?

– Значит, специально для нас придумали! Как ни погасим долг, так тут же – новый! И откель они только вылазят?!

Звякнул замок, и входная дверь распахнулась неожиданно легко.

Антон, вошедший первым, с любопытством осмотрелся. А посмотреть было на что! Неказистый снаружи, дом внутри оказался неожиданно... кондовым, что ли? Весь из себя основательный, стены обшиты дубовыми панелями. В конце коридора стояла круглая голландская печка, я такие только в кино и видывал.

– Ух ты! – восхищенно прищелкнул языком Антон. – Это что ж тут раньше было-то?

– Правление колхоза, – ответил Малышкин, вошедший следом за нами.

– Нет, я имею в виду – раньше?

– При царе, что ли?

– Так этот дом такой старый?

– В девятьсот первом году построили. Тут тогда суд был.

– Это как? – удивился я. – Деревня-то в стороне стоит, отчего же тут суд?

– Так это она сейчас в стороне. А тогда вон там, – махнул рукою бывший бригадир, – монастырь был. Собственно говоря, он и сейчас стоит, только уже пустой. Народу туда при царях хаживало изрядно. Даже издали на поклонение приезжали. И стояла деревня наша на самом бойком месте. Оттого и суд тут был, исправник заседал, вон там, в конце коридора, его кабинет располагался. А как революция прошла, так и кранты монастырю. Монахи поразбежались, одно время там бандиты всякое прятались, потом и их не стало. Вот и захирела дорога-то. Здесь устроили правление колхоза, а в той половине, где я ныне квартирую, лесозаготовительная контора расположилась.

– А немцы тут были?

– Были. Аккурат вот тут их штаб и стоял. А в кабинете исправника они кого-то допрашивали. Там еще клетка сохранилась, железная. Ее уже после на металл порезали. В наше-то время там касса была, вот клетка и пригодилась.

Дядька оказался словоохотливым и рассказывал еще долго. Уже подъехали остальные машины, и ребята перетаскали наши пожитки внутрь, а мы с дядькой все еще сидели на лавочке, недалеко от дома. Антон притащил нам нарезанной колбасы и огурцы, принес и поставил рядом бутылку водки. Сам однако рядом не сел, а отошел в сторонку, делая вид, что рассматривает окрестности. Ничего не поделаешь – служба! Пить ему сейчас не полагалось...

Однако у меня и у Малышкина таких ограничений не было, вот мы и приложились пару раз. Благо водку Колесников приволок очень даже неплохую...

Вот сколько ни ругало меня мое начальство за «неправильные», по их мнению, методы ведения оперативной работы, а все равно – оставался я при своих взглядах. И вполне обоснованно считаю себя правым. Вот не сел бы я с бригадиром стакан-другой опрокинуть, многих интересных вещей так бы и не узнал...

– Ну, товарищи дорогие, что мы имеем на сегодняшний день? – профессор снял очки и обвел нас всех взглядом.

Фигурой он у нас был новой, в проект его включили по личной рекомендации Травникова. Как рассказал Антон, Марченко в нашей конторе появился вовсе со стороны. Был он физиком, причем физиком-теоретиком. За каким рожном потребовался академику этот специалист, понять было трудно. Однако в работу он включился, что называется, с полпинка. Моментально усвоил и принял факт возможности межвременного перемещения сознания. Ничуть этому не удивился. Более того – с ходу выдвинул Травникову нечто такое, отчего дед только крикнул и надолго задумался. Вот в результате всего происшедшего и попал новичок в нашу выездную бригаду. Целыми днями возится со своей аппаратурой и вообще является главным возмутителем спокойствия. Это по его милости мы шастаем по мокрому лесу. Только вот результатов нет почти никаких. Это, к слову сказать, профессора абсолютно не чешет, и он по-прежнему бодр.

– Пока что, Константин Николаевич, ничего мы не имеем... – ответил ему Витя Огоньков, жизнерадостный парень из «хитрого домика». Веселый и шепутной, он быстро нашел общий язык почти со всеми присутствующими, не исключая Антона. Тот, вопреки своей обычной настороженности, как-то неожиданно легко с ним спелся. Да так, что я просто диву давался!

– И вполне ожидаемо!

Тут удивился даже я. За каким, позвольте спросить, хреном, мы тогда топтали мокрый лес? Видимо, аналогичные мысли отразились не только на моем лице, так что Марченко смутился.

– Ну... я имел в виду, что как раз в этих местах и не могло быть того, что нам нужно...

А что нам нужно? Сам-то он про это знает? Да и я не отказался бы узнать...

– Видите ли... до сих пор подобных поисков никто и никогда не производил. По сути говоря, мы как в той сказке – поди туда – не знаю куда и принеси то – не знаю что. Правда, в отличие от сказки, мы хотя бы приблизительно знаем, что нам нужно отыскать. Дело в том, что нам удалось получить, пусть и неполное, но в данном случае вполне достаточное описание снаряжения, которое испарилось из камеры перехода у наших... г-м-м... оппонентов.

Вот это новость! Какого же рожна он тогда про это молчал?

– Профессор, а нам про это вы сказать не удосужились?

– Каюсь, грешен – не сказал. Утюгами бить будете?

– А что, на моей морде это так явственно написано?

– Ну, не дословно, но общий смысл понять можно.

– Откровенно говоря, стоило бы. Мы по вашей милости уже вторую неделю по лесам ноги ломаем.

– Видите ли, Александр Сергеевич, не сообщив вам эти данные, я исходил из следующего: во-первых, вы все очень хорошие специалисты в своем деле. Гораздо лучше меня. И если я попрошу вас отыскать в лесу, например, пистолет, то вы перевернете этот лес сверху донизу и с большой долей вероятности его там отыщете. Во-вторых, отдавая должное вашей профессиональной подготовке, не могу не учесть тот факт, что это влечет за собой некоторую, я бы сказал, однобокость. Иными словами, разыскивая пистолет, вы можете, сами того не желая, пропустить что-то другое, не менее интересное.

– Ну, это вы зря, профессор! Тут тоже не лопухи собрались. Не первый год своим делом занимаемся.

– Всё так, но в данной ситуации я полагаюсь не на мастерство наших оперативников, а на ваши, Александр Сергеевич, ощущения. И поэтому сознательно не ограничиваю никакими излишними подробностями ваши действия.

А надо признать, что кое в чем этот умник все-таки прав. Что ни говори, а известная замысленность глаза на второй-третий день поисков всегда появляется. Так что логика в его рассуждениях присутствует.

– Ну, вы и хитрый змей!

– Уж какой есть. Согласно моим расчетам, проверенные нами районы особого интереса не представляют. Но полностью исключить их я все-таки не имею права. Поймите, наши методы поиска не то что несовершенны, а вообще никем и никогда ранее не проверялись и не применялись. Я могу полагаться только на одну единственную вещь – на ваши чувства, Александр Сергеевич. Никаким другим образом проверить свои выкладки я просто не могу.

– Ладно, профессор, проехали. Будем считать, что утюг мимо пролетел. А покажите-ка мне, что это за список у вас такой интересный? Что же мы все-таки разыскиваем?

Марченко поднялся со своего места и положил передо мной несколько листов бумаги.

Так, и что же у нас тут имеется? Сапоги. Их я уже видел. Может быть, не совсем эти, но похожие. Во всяком случае, ни сапог, ни формы мы здесь точно не отыщем. По той же причине пропускаем и все, что касается продовольствия. Уж навряд ли кто-то из местных крестьян будет хранить как зеницу ока банку консервов, подобранную его дедом где-то во время войны. Давно уже все съели и упаковки выбрасывали. А что у нас еще интересного в этом списке есть? Так сказать, нужного и полезного, того, что могло бы пережить шестьдесят лет небрежного хранения и дойти до наших дней. Оружие – вот это единственное, что могло дожить до нашего времени. Значит, вот здесь и посмотрим. Отложив в сторону остальные бумаги, я взял в руки последний лист.

Так. Пистолет-пулемет «ППД». Вообще, известная натяжка в этом есть. Понятно, что на первом этапе войны он прокатил бы со свистом, а вот году в сорок четвертом уже вопросыки могли возникнуть. К тому времени в войсках уже полным-полно было более современного

оружия. И человек с «ППД» рисковал привлечь, по меньшей мере, внимание. Дали бы ему трехлинейку – так и вопросов бы не возникало.

Дальше читаем. Пистолет «ТТ». Все вроде как и у обычного, только магазин на десять патронов. А вот это уже перебор, такие агрегаты только в пятидесятые годы появились. И те – не у нас, а в странах тогдашнего соцлагеря. В СССР такая модификация не производилась.

Стоп... Не производилась? Такая – точно не выпускалась, а вот что-то похожее было. В сорок первом году туляки создали рабочий батальон для защиты города. И вот для них было выпущено несколько сот интересных стволов. Внешне – стандартный «ТТ», но вот магазин на двенадцать патронов был. Двенадцать! А тут – десять. Маркировки? Соответствуют оригинальному пистолету. Значит, что? Артефакт, по-ученому выражаясь. Не могло быть в то время здесь такого пистолета. И что это нам дает?

Да ни фигя не дает! Поди сыщи теперь, под каким кустом он ржавеет. Интересная деталь, но толку с нее... Хотя определенная зацепка есть. Но это уже не для меня, а скорее для управленческих аналитиков. Пусть пораскинут мозгами, кто это там амеров так консультирует?

Что осталось?

Гранаты остались. Корпус стандартный, но начинка уже современная, взрывчатка посильнее и взрыватель двойного действия, в том числе и на удар. Чушь болотная! Не было в войну таких прибабасов! Интересно, за что у них консультанты деньги получают? Это ж палево по полной!

Весь список?

Нет, еще на обороте есть.

Что там?

Нож.

«Уральский добровольческий танковый корпус». Был такой? Был. В сорок третьем, если мне память не изменяет. Интересно, что бы в сорок втором его хозяин в СМЕРШе рассказывал?

Стоп...

Еще раз и медленно.

Внимательно читаем текст...

Встаю с места и подхожу к Марченко.

– Профессор, посмотрите-ка вот сюда!

Тот смотрит на мой палец, надевает очки и прочитывает нужную строку.

– Ну, вижу, нож. И что?

– Так. Общая команда – «Дробь!» Коля, ты у нас известный коллекционер холодняка, что у тебя с собой есть?

– Много чего есть, товарищ подполковник. А в чем дело?

– Тащи сюда свои сокровища, будем обменный фонд организовывать. Антон, водка есть еще?

– А много надо?

– Ты у нас не израильский агент будешь? Что ты мне вопросом на вопрос отвечаешь?!

– Есть, товарищ подполковник. Пять бутылок еще осталось.

– Всего? Вроде ящик брали... Тащи их сюда! Закуску организуй соответствующую, ну, сам все знаешь...

– Что случилось, Александр Сергеевич? Какая еще «дробь»? Что вообще происходит? – Марченко взволнованно приподнялся с места.

– Михаил! Ты у нас бывший мореман, вот и поясни профессору смысл данной команды!

Миша крикнул.

– По команде «дробь», товарищ профессор, прекращаются всякие действия, связанные с выполнением ранее полученного приказа. Вплоть до получения дальнейших указаний.

– А-а-а... – профессор растерянно на меня посмотрел. – Но я ничего не приказывал...
– Все так. Это я на себя команду взял, – киваю ему. – Пока вам разъяснишь, пока вру-
битесь...

– А в чем дело, Александр Сергеевич? Что случилось?

– Вы список внимательно прочли?

– Ну да...

– То место, что я вам показывал?

– Про нож? Да, прочел – и что?

– В руках его подержать хотите?

*Начальнику 3 отдела управления В-2
полковнику тов. Гришанкову А.А.*

Направляю вам материалы экспертного исследования по объекту № 382.

*Начальник экспертного отдела
управления В-2
полковник Хаустов В.Н.*

*... октября 2006 года
г. Москва*

Мною, старшим экспертом экспертного отдела управления В-2 капитаном Викторенко П.Я., произведено исследование объекта № 382, полученного мною от сотрудника шестого отдела управления.

Объект доставлен на исследование нарочным. Упакован в пакет из плотной бумаги и опечатан печатью «Для пакетов» шестого отдела управления.

При вскрытии пакета обнаружен нож (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 1.).

Перед экспертом поставлены следующие вопросы:

1) Соответствует ли представленный на исследование нож образцу № 255«а» из коллекции управления?

2) Если не соответствует, то по каким параметрам?

3) Каким способом изготовлен данный нож?

4) Мог ли представленный нож быть изготовлен в СССР в период 1941–1945 гг.?

Представленный на исследование нож имеет общую длину 295 мм, длина клинка 175 мм, длина рукояти 120 мм.

Клинок изготовлен из магнитного металла по типу финских ножей, колющее острие расположено над средней линией клинка. Толщина клинка 5,5 мм, ширина у рукояти 25 мм, заточка двусторонняя. Клинок оксидирован, местами покрытие частично утрачено.

На клинке (см. прилагаемую фототаблицу, фото № 3) имеется надпись: «Уральский добровольческий танковый корпус». Надпись выполнена электрогравировальным (электроэрозионным) способом. Представленный для сравнения образец № 255«а» таковой надписи не имеет.

Рукоять бочкообразной формы, из дерева. Максимальный диаметр рукояти в ее средней части – 32 мм. Крепление рукояти к клинку – рукоять надета на хвостовик клинка и зафиксирована на нем навершием. На хвостовике клинка, на участке длиной в 15 мм имеется резьба шагом 6х1,25. В навершии рукояти имеется аналогичная резьба.

Чистота обработки поверхностей, отсутствие видимых следов обработки клинка и рукояти, наличие термического оксидирования металла позволяют сделать вывод о том, что исследуемый нож изготовлен промышленным способом.

Для выяснения вопроса о месте изготовления ножа было произведено исследование металла в соответствующем подразделении НИИ-3 ФСБ. Заключение эксперта № 124 от ... октября 2006 г. прилагается.

Таким образом, в результате исследования установлено следующее:

1) Исследуемый нож имеет внешнее сходство с представленным образцом № 255«а», но отличается от него по своим характеристикам, размерам и способу крепления рукояти.

2) Исследуемый нож имеет надписи, которые отсутствуют на представленном для сравнительного исследования образце.

3) Исследуемый нож имеет большую длину клинка и ширину, иное крепление рукояти и не соответствует представленному образцу № 255«а».

4) Представленный на исследование нож изготовлен по типу финских ножей промышленным способом.

5) Химический состав металла, метод оксидирования позволяют сделать вывод о том, что исследуемый клинок не мог быть изготовлен в СССР в указанный период времени.

*Старший эксперт экспертного отдела
управления В-2
капитан Викторенко П.Я.*

– Ну, вы, Александр Сергеевич, и даете! – генерал положил заключение эксперта на стол и посмотрел на меня. – Я много чего в жизни видел, но чтобы выменивать на водку ценнейший научный артефакт – впервые сталкиваюсь.

– Не только на водку. Мы ему еще два ножа из Колькиной коллекции взамен дали.

– Ну, эту его потерю мы возместим! Ножей у наших оружейников выше крыши. Так что в накладе он не останется. Но как же все-таки так вышло, Александр Сергеевич? Это же все равно, что, пролетая над Сахарой, плюнуть за борт и попасть в единственный во всей пустыне кусочек льда!

– Да черт его знает, Виктор Петрович! Я на этот нож внимание обратил, когда бригадир им колбасу резал. Мы как раз к нему домой зашли, а у нас вся закуска кончилась. Нет, колбаса-то еще была, только куском. Вот он и вынес ножик, чтобы отрезать чуток. А уж когда я описание ножа в бумагах прочитал – так и вспомнил про него.

– Марченко до сих пор в шоке пребывает. Его аппаратура ничего любопытного в этой деревне не засекала. А когда он данный нож в руки взял, так чуть дара речи не лишился.

Я только хмыкнул. С лица профессора в тот момент можно было писать иллюстрацию безграничного удивления. Он реально был потрясен до глубины души. Представляю, что с ним сделалось, когда он заключение эксперта прочитал.

– Да уж, профессор тогда настолько был потрясен, что даже и разговаривать не мог.

– Это-то все хорошо, – подал свой голос Травников. – В том смысле хорошо, что ножик вы этот нашли. А вот в остальном поводов для веселья нет. Аппаратура наша этот нож не зафиксировала, так что стоим мы по-прежнему в той же самой позиции, как и в начале всех поисков.

– А я вот думаю, Александр Яковлевич, – повернулся я к академику, – не так уж все и плохо.

– Это почему ж, позвольте?

– Вы говорите, аппаратура не зафиксировала нож. Так?

– Так.

– А согласно вашим же словам, кто или что может являться «якорем»?

– Человек. Точнее, его мозг.

– Ну, и каких мозгов вы ждете от железяки?

– Хм... Нет, вам точно в науку идти надо. Пожалуй, это и объясняет подобную ситуацию.

Во всяком случае, Марченко я этим точно обрадую. А то он совсем приуныл.

Поиски наши после обнаружения ножа были временно приостановлены. Нет, ребята еще катались по окрестностям, имитируя бурную деятельность. Но основные фигуранты экспедиции сейчас находились в Москве. Марченко ломал голову, пытаясь усовершенствовать поисковую аппаратуру. А мы с генералом занимались тем же самым, стараясь понять, откуда этот нож взялся именно в данной деревне. Всех жителей деревни уже опросили самыми разными способами, но ничего для нас полезного выяснить так и не удалось. Нож достался бригадиру от отца. А тому, в свою очередь, оставил его дед. Ни того, ни другого сейчас не было в живых, так что источник получения артефакта так и остался для нас неизвестен.

Мы просидели у генерала еще достаточно долго, но ни к какому конкретному выводу так и не пришли. Уже под занавес я высказал-таки ему мысль, которая мучила меня все это время.

– Видите ли, Виктор Петрович, вот гложут меня некоторые сомнения...

– Какие же?

– Вот, смотрите. Все по отдельности вроде бы на месте стоит, так? И автомат такой был на вооружении, и нож похожий имелся. Только пистолет и гранаты чуток не в тему, но это сразу в глаза вроде бы и не бросается. Так?

– Ну, допустим, что так.

– А вот сложите все это в кучку. По отдельности каждая деталь вроде бы ничего особенного не значит, но вот все вместе... Наличие у одного человека стольких интересных вещей одновременно прямо-таки делает его очень заметной фигурой. Зачем это? Не дураки же там, у американцев, сидят? Они ж его палят, причем по полной! Сколько подобная личность сможет продержаться, пока его не захомутают? Как бы ни хаяли нынче СМЕРШ, но мы-то с вами знаем, что-что, а работать эти ребята умели.

– Да, пожалуй, что есть в ваших словах резон. А вы-то сами что думаете?

– Деза это, товарищ генерал-лейтенант. Не знаю, зачем все это американцам нужно, но нутром чую – не просто так это все заверчено!

– А вот и нет! – подал голос академик. – Есть один случай, в котором все эти ваши несостыковки замечены не будут. А если и будут, то внимания на них особенного не обратят. Вот подумайте, что это может быть за случай?

Мы с генералом переглянулись и одновременно покачали головами.

– Давайте уж, Александр Яковлевич, выкладывайте, что там у вас? – генерал выжидающе посмотрел на академика. – Я ж по вашему виду чувствую, что есть у вас какой-то сюрприз.

– Совершенно верно, есть. Вот подумайте оба, в каком случае к человеку, обладающему всеми обозначенными вами причиндалами, вопросов не возникнет ни у кого? Кто это такой должен быть?

– Ну, не генерал же это? – пожал плечами Яковлев. – Появление незнакомого генерала – нонсенс: фигура заметная. А всех прочих любой особист проверить может, полномочий достаточно.

– А кто будет проверять особиста?

Блин! А ведь точно академик подметил! Это же особист! Автомат у него вполне может быть старый да проверенный. И пистолет может быть эксклюзивный. Нож тоже вполне имиджу соответствует – могли и подарить, да и свой такой мог иметь на законных основаниях. А задавать лишние вопросы энкавэдэшнику хоть в сорок втором, хоть в сорок пятом году – точно никто не станет.

Яковлев уважительно покачал головой.

– Признаю вашу правоту. Действительно, об этом я и не подумал. А ведь должен был! Точно говорят: за деревьями леса не видим.

– Да я и сам-то не сразу к этому выводу пришел. А, с другой стороны, именно особист наиболее органичным образом может освоиться в незнакомой местности и в непривычной обстановке. Любые вопросы его всегда мотивированы. Интерес к окружающим легко объясним.

– Это, Александр Яковлевич, до той поры, пока он со своими коллегами не столкнется. Вот тут вопросы уже у них возникнуть могут, – сказал я.

– А вы знаете, Александр Сергеевич, я и об этом подумал, – академик взял со стола чашку с чаем. – При современном развитии полиграфии не составляет никакого труда состряпать ему сколь угодно убедительный документ. Хоть за подписью Верховного. И кто ему будет задавать вопросы в этом случае?

– Хорошо, допустим, что так. Но ведь должна быть какая-то цель подобного «выхода»? Вы сами говорите, что шансов вернуться назад у него нет. Не могут же американцы этого не понимать! Тогда на что рассчитана эта операция? Да и человека такого найти тоже не так легко. Или они его в темную работают? Мол, не расстраивайся, выдернем мы тебя назад в любой момент. Может такое быть?

Академик пожал плечами.

– Да черт его знает! Бог весть, какие у них там отношения. Это уж к генералу вопрос, не ко мне.

– Нет, – отрицательно мотнул головой генерал, – в темную своего испытателя они работать не станут. Обстановка у них сейчас не та. Если бы они на пике достижений находились, им бы все что угодно простили. Как это ни странно звучит, но против них работают их же внутренние порядки. Если выяснится, что пообещали одно, а сделали другое, большой шум поднимется. Такие фокусы они могли себе позволять лет пятнадцать назад. Да и то особо этим не злоупотребляли. Их специалист подобного рода слишком дорого стоит, чтобы просто так зашвырнуть его в неизвестность. Их и так уже достаточно много погибло, и желающих рисковать башкой попусту, пусть даже и за хорошие деньги, не так уж и много. Тут другое что-то.

– А скажите, товарищ генерал-лейтенант, – крутившаяся в моей голове мысль наконец оформилась, – как часто нам удавалось получать столь подробные сведения об экспериментах отдела Д-5?

– Не часто. Всякое случалось, но вот так подробно... ну, было пару раз...

– А в таком объеме?

– Ну... и так тоже было.

– А есть ли у нас список их... испытателей?

– Найдем. А если не секрет, зачем?

– Все ли они живы и здоровы?

Марченко положил на стол бумаги и обвел нас всех воспаленными глазами. Не знай я, что он безвылазно сидел в отделе все это время, можно было бы заподозрить его в беспробудном пьянстве.

– Вот такие у нас новости... Согласно всем расчетам, центром является монастырь. Именно вокруг него располагаются все выявленные нами аномальные поля и явления. Таковых мы сумели обнаружить всего пять. И все они располагаются на окружности радиусом в пятьдесят километров, центром которой является как раз этот монастырь.

– И что же такого интересного в этом монастыре? – Травников сделал какую-то пометку в своем блокноте.

– Не знаю, Александр Яковлевич. В самом монастыре ничего нами не выявлено. По моей просьбе наши аналитики проанализировали все архивные материалы, относящиеся к этому периоду истории.

– И каков результат?

– Ничего особенно интересного обнаружить не удалось. Там были обычные для того периода времени события. Немцы гонялись по лесам за остатками наших частей, те отбивались. Были стычки с местными партизанами. Словом, ничего особенно выдающегося не происходило.

– М-м-да... Придется еще раз вам выехать на место, Александр Сергеевич. Не может же быть, чтобы ничего совсем интересного там не нашлось.

– Да не вопрос, – пожал я плечами, – съездим, авось действительно что-нибудь да раскопаем.

– Вот и договорились, – удовлетворенно кивнул головою академик. – Константин Николаевич, вы готовы?

Марченко потер рукой воспаленные от недосыпа глаза.

– Ну, раз надо, значит, надо. Буду готов к завтрашнему утру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.